

Таисия Алипьевна Ситникова-Немировская (1866–1950)

НА ЖИЗНЕННЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Предисловие к публикации

Таисия Алипьевна Добросмыслова (17.05.1866 – 13.12.1950), в первом браке Ситникова, во втором Немировская, родилась в селе Кужендеево Ардатовского уезда Нижегородской губернии в семье делопроизводителя Ардатовского уездного суда. После окончания Арзамасской женской прогимназии работала учительницей в Ардатове. В 17 лет вышла замуж за купеческого сына, частного преподавателя французского языка Николая Михайловича Ситникова.

В 1889 году семья переехала в Арзамас по новому месту службы Н. М. Ситникова, который через 11 лет скончался, оставив Таисию вдовой с четырьмя детьми. В Арзамасе произошло знакомство Т. А. Ситниковой с Максимом Горьким, там же она вошла в круг революционно настроенной интеллигенции.

В 1907 году Таисия Алипьевна переехала в Нижний Новгород, где окончила фельдшерские курсы. После революции 1917 года активно поддержала происходившие в городе изменения, стала видной общественницей. В 1918 году вторично вышла замуж за инженера винного завода Николая Алексеевича Немировского. В годы Гражданской войны в периоды речной блокады города белогвардейскими отрядами, будучи председателем квартального комитета по борьбе с контрреволюцией и голодом, выступила инициатором засеивания пригородных полей и пустующих выгонных земель картофелем. Участвовала в

ликвидации безграмотности, являлась председателем Совета жён-общественниц на винном заводе, занималась контролем состояния больниц и родильных домов Нижнего Новгорода. По инициативе Таисии Алипьевны в 1930-е годы были созданы «инвалидные дома» для учителей в Зелёном Городе (впоследствии санаторий «Учитель») и Красных Баках.

Воспоминания она начала писать в 1941 году и вернулась к ним уже после войны, но полностью завершить так и не успела. Оригинал рукописи хранится в фондах ЦАНО (Ф. Р-5861, оп. 1, д. 161, лл. 1-199), часть воспоминаний она направила в Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Много усилий Таисия Алипьевна приложила к тому, чтобы ее воспоминания о Горьком и потомках А. С. Пушкина увидели свет: она пыталась заинтересовать ими литературоведов и бывшего начальника Н. А. Немировского Вячеслава Михайловича Молотова, занимавшего высокий пост министра иностранных дел СССР, но при жизни автора они так и не были опубликованы.

Машинописную копию рукописи в 2017 году предоставил праправнук Таисии Алипьевны Александр Сергеевич Устинов для размещения на сайте Центральной городской библиотеки¹. Он собственноручно набрал текст архивного документа и снабдил его комментариями, а также поделился фотографиями из семейного архива.

К сожалению, опубликовать источник в том виде, в каком он дошел до нас, невозможно по причине сумбурного изложения событий, многочисленных повторов, фактографических и речевых ошибок: к концу жизни Таисию Алипьевну стали подводить и память, и зрение. Некоторые факты ею мифологизированы. Тем не менее, для нижегородского читателя эти воспоминания представляют интерес как с точки зрения канувших в Лету местных реалий, так и благодаря упоминанию многих известных людей, с которыми ей довелось общаться.

Исходный текст пришлось подвергнуть литературной обработке, систематизировать по периодам жизни (Ардатов – Арзамас – Нижний Новгород) и разбить на отдельные главки, объединенные общей темой. Убрав малозначительные детали и описание событий, очевидцем которых Таисия Алипьевна не являлась (в первую очередь, происходивших в придворных кругах), но сохранив смысл и интонацию авторского повествования, мы получили любопытное свидетельство эпохи, вполне достойное внимания тех, кто интересуется прошлым Нижегородского края.

Татьяна Вадимовна Кучерова,
действительный член общества «Нижегородский краевед».

Июнь 2022 года

КАРАМЗИНЫ

«Я познакомилась с Карамзиными в 1883 году, когда Александру Николаевичу, сыну известного историка, было 72 года², но он был красивый, статный, очень симпатичный мужчина. Его жена Наталья Васильевна была настоящая красавица грузинского типа, хотя

¹ Были опубликованы в двух частях на прежней версии сайта ЦГБ им. В. И. Ленина, которая уже не функционирует. Здесь приводится полный текст воспоминаний с уточненными комментариями публикаторов.

² Александр Николаевич Карамзин родился в 1815 году, и в июле 1883 года ему было 67 лет. (Прим. А. С. Устинова).

тогда ей было уже за 50. А глаза – это что-то очаровательное: черные, овальной формы, блестящие, а главное – доброта и мягкость этих глаз. Наталья Васильевна была попечительницей Ардатовской школы, где я преподавала.

В июле месяце у меня блестяще закончились все экзамены в школе. Наталья Васильевна мужу рассказывала: «Представь, Са, у Таис всех лучше девочки, кончающие школу, написали без ошибки диктант из «Записок охотника» Тургенева и верно сделали задачу». За это она меня пригласила к себе в имение, где дала отдельную комнату с окнами на розовую плантацию.

Я стала хорошей учительницей и сблизилась с семьей Карамзиных благодаря Николаю Ивановичу Груздеву. По существовавшему тогда закону, чтобы получить место учителя в начальной школе выпускники прогимназии должны были полгода работать кандидатами, то есть вести уроки под руководством опытного учителя и от него научиться искусству преподавания. Таковым и был Н. И. Груздев, образованный человек и от природы замечательный педагог. Он учил нас, что к каждому ученику нужен особый подход, чтобы он мог легче понять предмет. Одному ученику трудно дается одно, другому – другое, и с этим надо считаться. С учениками надо обращаться как можно мягче, говорить тихо, чтобы они сидели тише, ибо ученики берут пример с учителя. А тогда еще были такие учителя, которые били детей линейкой по голове.

На занятия к Груздеву я ходила со своей подругой Юлией Николаевской, окончившей вместе со мной прогимназию, и мы по очереди давали пробные уроки. Мы обязаны были полгода так заниматься, но мне хотелось до конца года ходить к Груздеву. Для меня это было важно еще и потому, что, не имея средств, я давала частные уроки детям из состоятельных семей. Многие из них были капризными, и к ним надо было иметь индивидуальный подход, что и рекомендовал мне Груздев, когда я обращалась к нему со своими затруднениями. Вот почему я бы хотела весь год быть кандидаткой, чтобы получить больше знаний и расширить свой кругозор по педагогической специальности. Но случилось так, что я по своей врожденной доброте ушла из школы раньше, чем собиралась, ради подруги.

Юля, моя ровесница, была из более обеспеченной семьи, а потому намного развитее меня, ибо много читала. Я же могла читать лишь жития святых. Да и на это времени не было: я была старшей из девяти детей и помогала маме по хозяйству, шила и вязала, но, как ни странно, училась лучше Юли. Бывало, напишу сочинение, за которое получаю «5++», и ей потом помогу. Также и в школе. Я давала урок как Груздев: понятно, ясно, толково, главное – интересно, чтобы завладеть вниманием учащихся. Он всегда одобрял меня. Когда же Юля давала урок, то очень терялась, ноздри у нее от смущения дрожали и расширялись, голос падал до шепота, прямо жаль было на нее смотреть, а ведь умная девушка. Мне было очень жаль ее, и хотелось чем-то помочь. Как-то Юлия мне призналась, что потому плохо ведет уроки, стесняется и смущается, что любит Николая Ивановича Груздева. Я ее успокаивала: «Вы, очевидно, поженитесь, и будет у вас счастливая жизнь, ибо Груздев очень хороший человек: умен, добр, красив, высок, строен, и к тебе внимателен». И каково же было мое изумление, когда Юля мне на это сказала со слезами в голосе: «Нет, этого не будет – он любит тебя. Когда ты даешь урок, то он смотрит на тебя, ну просто пожирает тебя глазами, а ты этого не замечаешь. А я вижу и страдаю!»

Ардатовская интеллигенция. Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым

А я уже была невестой Н. М. Ситникова, но мой папа просил отложить свадьбу ввиду моей молодости (17 лет) и до окончания года траура после смерти моей горячо любимой мамочки. И вот я решила уйти из школы в надежде на то, что Юля и Груздев поженятся, ибо Юля была миловидная и добрая девушка. Но она так и не вышла замуж, всю жизнь проработала учительницей на Илёмском заводе. А Груздев, как узнал, что я выхожу замуж, перевелся из Ардатова к себе на родину, в г. Нерехту Костромской губернии.

Я уже сказала, что, благодаря Груздеву сделалась хорошей учительницей, и за успехи моих учеников меня и пригласили к себе на отдых летом 1883 года супруги Карамзины. Мне хочется подробнее написать об этой замечательной семье.

Александр Николаевич – младший сын историка Николая Михайловича Карамзина. Тот был женат дважды: первым браком на сестре жены Плещеева, Елизавете Ивановне. Когда она умерла от туберкулеза, через несколько лет Николай Михайлович женился на Екатерине Николаевне Мещерской. Она была необыкновенно красива, умна, очень чуткой и доброй души (Пушкин ее боготворил, и она его любила чистой любовью, как брата).

Молодежь середины 1900-х гг. Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым

У историка Карамзина было еще два сына: старший, Владимир Николаевич, и средний, Андрей Николаевич. Владимир Николаевич Карамзин погиб на войне при покорении Кавказа. Он был женат на красивой и очень богатой женщине – Демидовой-Сан-Дonato³, которая владела всеми богатствами Урала и Сибири.

Андрей Николаевич Карамзин был женат гражданским браком на графине Ростопчиной, поэтессе⁴, но ее муж, граф Ростопчин, не давал развода и не позволял брать к себе внебрачных детей. Это были две девочки, Мария и Ольга, которые считались незаконными, и у них не было ни фамилии, ни отчества. Тогда их дядя Александр Николаевич лично выпросил им у царя законное отчество «Андреевна».

Андрей Николаевич Карамзин был, как и его братья, красавец, умница, добрейшей души человек, рыцарь по отношению к женщине. Последнее качество и стало причиной его ужасной смерти. Одно его имя приводило в панику горцев, и они решили его истребить хитростью. Распустили слух, что в горных ущельях взяты в плен их женщины и дети. Андрей Николаевич с двумя отрядами храбрецов попал в западню. Горцы его окружили и изрубили в куски⁵. А его дочери выросли и выучились у дяди и тетки – Александра Николаевича и Натальи Васильевны Карамзиных.

³ На Сан-Донато (Авроре Карловне Демидовой-Шернваль) был женат Андрей Николаевич Карамзин, их брак был заключен 22 июня 1846 года. (Прим. Т. В. Кучеровой).

⁴ Евдокия Петровна Ростопчина, урождённая Сушкова (1811–1858) – русская поэтесса, переводчица, драматург и прозаик. Ее связь с Андреем Карамзиным предшествовала его женитьбе на Сан-Донато. (Прим. Т. В. Кучеровой).

⁵ 24 мая 1854 года Андрей Карамзин был убит на балканском фронте во время Крымской войны при крайне непрофессионально проведенной кавалерийской атаке, которую сам же организовал и возглавил. (Прим. А. С. Устинова).

Старшая из них, Мария Андреевна, вышла замуж за помещика Петра Ивановича Приклонского, владевшего имением по соседству с имением Карамзиных – Рогожкой Ардатовского уезда. Был у них один ребенок, но умер. Марии Андреевне было трудно жить с грубоватым мужем, каковыми были в большинстве русские помещики. Зная лишь своего дядю, гуманнейшего и добрейшего даже с прислугой, она не могла привыкнуть к грубому обращению мужа, и Карамзины ее уговорили разойтись с мужем и уехать за границу, что Мария Андреевна и сделала. Но она любила мужа, невзирая на его недостатки, и тосковала по нему. В итоге заболела чахоткой и умерла за границей. После этого у Приклонского с Карамзиными случилась вражда: первый уверял своих родных и знакомых, что его с женой развели Карамзины, а те были уверены, что она ушла от мужа из-за его грубого обращения. Приклонский тоже любил свою жену и более не женился.

Я знала старшую дочь Н. М. Карамзина от первого брака, Елизавету Николаевну, которая безумно любила Пушкина, ни за кого не вышла замуж и ушла в Дивеевский монастырь. Я с ней познакомилась, когда она уже была немолодая, но, невзирая на годы, все еще прекрасной наружности. Это было в 1883 году, когда Наталья Васильевна пригласила меня поехать Рогожку. Дорога шла через Дивеевский монастырь, где уже много лет жила родная сестра Александра Николаевича.

Мы неожиданно задержались в монастыре, так как в четверти версты от него, через речку, загорелась большая деревня Вертьяново. Она растянулась более чем на версту, и домики, большею частью крытые соломой, сразу превратились в море огня, которому почти никто не мог противодействовать – была страшная пора, и все жители были в поле.

Меня это зрелище потрясло: я плакала и дрожала. Добрая монахиня Елизавета Николаевна меня успокаивала, и мы с ней отправились в Вертьяново за детьми, чтобы привести, а кого и принести в Дивеево, которому пожар не угрожал. Монастырь был выстроен из камня и с железной крышей, на которую молодые монахини взбирались по лестницам с ведрами воды и заливали падавшие сюда горячие головни с пожара. Мы привели плачущих детей, успокоили их, накормили и напоили чаем. А Александр Николаевич Карамзин велел заложить четверку лошадей и послал кучера и лакея возить воду с реки и заливать прогоравшие строения.

Трудно описать, какое грандиозное и вместе с тем страшное зрелище представлял этот пожар! Море огня, масса жару, а ведь и пора была жаркая! И от этого согретого воздуха образовались по небу тучки, из которых начал поддувать ветерок, который еще более помог разбушеваться огненной стихии. Ее ничем нельзя было остановить! Огненные языки грандиозных размеров будто старались достать и «слизнуть» собравшиеся кое-где тучки, которые грозили залить пожар, все сильнее бушевавший и охвативший всю деревню. Все погорело: и хлеб, и вещи, и амбары... Жители, прибежавшие с поля, остались голодными. Александр Николаевич послал телеграмму в Ардатов прислать немедленно хлеба и каши детям, а пока мы все пошли по лавкам и закупили хлеб, булки и вообще все съестное и раздали населению, в первую очередь, старым и малым.

Как залили весь пожар, поехали в Рогожку. Прибыли вечером. Свет вечерней зари еще более придавал красоты этому чудесному местечку. А воздух был – просто упоение! Посреди чудного парка и огромного поля роз, которые в то время были в цвету, стоял скромный домик. Все аллеи парка – сосновая, кленовая, березовая, липовая, ольховая – содержались в образцовой чистоте. Старик-садовник Панфил уже 50 лет жил у Карамзиных и так любил свое дело, что день и ночь ухаживал за кустами, цветами, деревьями. Благодаря ему в саду все блестело, цвело и благоухало.

Для экзотических растений был устроен большой зимний сад, примыкавший к дому. В нем росли камелии. Представьте огромное дерево, покрытое пунцовыми цветами, которые будто сделаны из воска и покрыты лаком, с листьями темно-зеленого цвета, твердыми и блестящими. Цвели они в середине января, когда кругом снег, и весь сад благоухал. Карамзины привозили в Ардатов целую корзину цветов, закутанных в теплые одеяла, и всем знакомым, приходившим в гости, их дарили. Ардатов буквально расцветал – на многих окнах красовались букеты этих дивных камелий.

Как и вся прислуга, Панфил очень любил и свое дело, и своих хозяев, ибо супруги Карамзины были нежны и ласковы не только друг к другу, но и к слугам.

Карамзины и сосватались очень поэтически. Александр Николаевич отличился в Крымскую кампанию. По возвращении храбрецов при дворе встречали с особым почетом. Все фрейлины, разодетые в древние боярские костюмы, выстроились на улице перед дворцом, в том числе и княжна Оболенская, настоящая красавица восточного типа. Проходя мимо церемониальным маршем, Карамзин заметил Оболенскую и влюбился. Она ему ответила взаимностью, и вскоре они поженились.

Это были люди, всегда готовые оказать помощь ближнему. Александр Николаевич Карамзин еще до 1861 года дал своим крестьянам свободу. Крепостное право морально калечило человека: крестьян делало рабами, терпевшими всякие ужасные унижения от помещиков, но и помещики, даже самые лучшие из них, делались жестокими, теряя свой человеческий облик. Крепостное право было тяжело и для мужчин, но особенно для женщин – муж, дети, барщина...

Однажды несколько девиц в имении Карамзиных решили не выходить замуж, а между тем крепостные, которые имели сыновей, хотели их женить очень рано, чтобы иметь больше рабочих рук и успеть обработать и барское поле, и свое. Девушки плакали, приходили к помещику, бросались в ноги. Карамзин придумал, как заставить их выйти замуж: днем посылал на жатву, а ночью заставлял носить на себе навоз на поле более чем за пять верст (обычно это делают на лошади). Тогда жена Александра Николаевича Наталья Васильевна, добрейшей души женщина, очень умная и образованная, позвала мужа гулять в поле, где жали эти самые девицы. Как пришли на поле, она сказала ему: «Са, возьми серп и жни». Он исполнил ее желание: сжал сноп, другой и остановился, схватившись за поясницу. А она после каждого сжатого им снопа говорила: «Нет еще, еще жни», – он тогда еще был молодой. И там, на жнивье, обливаясь потом, он дал ей слово, что не будет по принуждению выдавать девиц замуж. Вывод: если даже такие честнейшие, образованные и добрейшие помещики, как Карамзины, не всегда гуманно поступали с крепостными, что же говорить о других?..

После освобождения крестьян царское правительство долго не могло наладить отношения между помещиками и крестьянами. На то были мировые посредники, из помещиков, конечно. Александр Николаевич Карамзин был таким посредником и не щадя своих сил много работал, защищая интересы крестьян, несмотря на возраст (уже за 60) и врожденный порок сердца. Он участвовал во многих комиссиях – училищного совета, съезда мировых посредников и других, для чего ежемесячно приезжал в Ардатов и жил там по неделе и более (квартира была снята на год). Крестьяне его любили, уважали и абсолютно доверяли, считая святым человеком. Если дело было по закону не в их пользу, но раз сказал Карамзин, – они тотчас же свои претензии брали обратно. Вот каким авторитетом среди населения пользовался Александр Николаевич.

Деревня, где жили бывшие крепостные, мордва, была в полутора верстах от Рогожки и называлась Большой Макателем. Здесь Карамзины устроили школу, богадельню, детский приют, больницу, очень хорошо оборудованную. Врач по фамилии Борко был преопытный хирург, выписанный из-за границы, где наука вообще, и медицинская в особенности, стояла выше нашей. К доктору Карамзины относились с уважением, старались доставить ему все жизненные удобства, чтобы он не чувствовал себя хуже, чем дома. Дали ему особняк – он был семейный – и часто, почти ежедневно приглашали его с женой к себе обедать, когда он был свободен от операций, в чем был спец. Слава о его хирургических талантах разнеслась далеко по округе, откуда приезжала масса больных и увечных. Домик доктора стоял на берегу огромного озера, за ним был большой сосновый парк, который называли «диким» в отличие от парка около дома Карамзиных.

Еще был детский дом. Наталья Васильевна не раз на дню навещала детей, хотя за ними ухаживали прекрасные люди. У девочек надзирательницей была Екатерина Ивановна Лаврентьева, а у мальчиков – ее брат Федор Иванович Лаврентьев, оба очень умные, чудного характера, прекрасной души, образованные.

Александр Николаевич унаследовал от матери порок сердца и страдал припадками, особенно в Ардатове, где кроме работы в комиссиях принимал на квартире толпы народа по разным делам. Всех очень терпеливо выслушивал, объяснял. Помогала ему Наталья Васильевна, всегда приезжавшая с ним в Ардатов.

Когда Карамзины жили в Ардатове, то меня всегда приглашали обедать. За обедом по-французски Наталья Васильевна говорила мужу: «Са, много у нас при дворе было красивых фрейлин, но такой миловидной, а главное, стройной, как Таис, не было – посмотри, какие у нее красивые и маленькие руки, а ноги, как у китайки, и сама высокая, стройная, а какое миловидное лицо, загляденье!». Я невольно еще более краснела, чего они не замечали, думая, что я не знаю по-французски, а я училась у Николая Михайловича Ситникова, студента Горного института, за которого через год и вышла замуж.

Таисия Добросмылова в возрасте 17 лет. 1884 год. Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым

Наталья Васильевна так меня любила, что когда узнала, что я выхожу замуж за исключенного из Горного института студента, то пожелала, чтобы свадьба была у них в доме, а венчание в церкви при больнице. Наталья Васильевна была очень счастлива, когда узнала, что я выхожу замуж именно за Н. М. Ситникова, т. к. она знала его с очень хорошей стороны от своего племянника, который учился в Горном институте, а ранее – в гимназии вместе с моим мужем. Наталья Васильевна предложила мне все приданое: белье, платье и одежду, – но я ее очень благодарил, а от приданого отказалась, сказав, что сами все понемногу наживем. Наталья Васильевна поняла и не обиделась.

Николай Михайлович Ситников в возрасте 32 лет. 1884 год. Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым

Она поехала провожать меня в церковь к венчанью, а из церкви, когда мы выходили, чтобы сесть в коляску, дети из детского дома стояли с букетами цветов и бросали нам под ноги в экипаж. Панфил-садовник не пожалел цветов. Наталья Васильевна пригласила на свадебный обед мать, сестер и братьев моего мужа, они приехали из Арзамаса, а после обеда все мы уехали в Ардатов. Было это в 1884 году.

Я продолжала работать учительницей, а через год, в 1885 году, родилась дочь София, рождение которой чуть не стоило мне жизни. При ее рождении у меня была ужасная болезнь эклампсия⁶, от которой почти все умирают – и мать, и ребенок, а я и моя новорожденная дочь каким-то чудом остались живы.

Когда она родилась, я так была слаба, что не могла держать свою новорожденную дочь на руках, и в школу не могла ходить. Добрейшая Наталья Васильевна Карамзина прислала за мной удобный экипаж, старушку-няню и поместила всех нас в отдельном домике со стеклянными дверями, чтобы более солнца было в комнатах. Он был построен на берегу озера, и идти к нему надо было по мостику, соединяющему этот домик с берегом, где был густой сосновый бор. Все это для того, чтобы восстановить силы мои и моего ребенка. Этот чудный домик в сосновом лесу на озере был устроен Натальей Васильевной для себя в пору ее молодости. Оба старика ежедневно меня навещали, часто с ними приезжала гостившая у них их племянница Татищева, урожденная Екатерина Борисовна Мещерская. Столько внимания и ласки было с их стороны: присылали на обед, завтрак, ужин все питательное и массу чудных фруктов, которые поспели у них в парниках и зимнем саду, хотя еще был май месяц. Доктор был ежедневно, часто вместе с Натальей Васильевной и Александром Николаевичем. Все это – чудное питание, воздух – восстановили мои силы, и я стала ходить обедать в их дом, но эта болезнь часто совершенно отнимает память, и у многих на всю жизнь это остается. Я тоже не могла нормально говорить, но благодаря вниманию и всей обстановке, устроенной для меня этими чудными людьми, потеря речи и памяти совершенно прошла, и я в сентябре поехала в Ардатов и продолжала занятия в школе так же нормально, как до болезни.

Через два года у меня родился сын Александр, и я была рада, что он Александр Николаевич. Его крестной была Наталья Васильевна, а крестным – доктор Михаил Викторович Лобис⁷, очень умный, развитый и честный человек. Сын мой родился 15 фунтов весу, аршин длиной, здоровяк, красавец собой. Однажды я ушла на занятия в школу, а

⁶ Эклампсия – заболевание, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза жизни матери и ребёнка. Форма позднего токсикоза беременности. (Прим. А. С. Устинова)

⁷ Ардатовский земский врач Михаил Викторович Лобис, не имеющий чина, из дворян Ардатовского уезда (родовое поместье – село Кавлей). (Прим. Т. В. Кучеровой).

нянька напоила его холодным молоком. У него сделалось воспаление гортани, его задушила мокрота, и он умер, отчего я так сильно заболела, что боялись за мою жизнь. Я была вновь беременна, а от горя ребенок, что во мне был, умер, и надо было делать операцию. Когда Карамзины узнали, что мне смерть угрожает, то прислали своего доктора. Тот скакал на лошади верхом 40 верст без отдыха, чтобы успеть и успокоить стариков.

У Карамзиных была замечательная домоправительница Мария Моисеевна, еврейка по происхождению (ее фамилию забыла), очень тактичная. Она не делала разницы в обращении со мной, бедной учительницей, и знатными родственниками Карамзиных. У них гостили племянницы – графини Татищева и Клейнмихель, Ольга Андреевна Голохвастова, жена писателя и сама писательница. Муж ее, Голохвастов, много написал научных книг, вообще считался большим ученым своего времени⁸. Книги, которые написала Ольга Андреевна, хранились в шкафах ее дяди Александра Николаевича Карамзина в Рогожке. В этой библиотеке были и такие шедевры, как рукописи А. С. Пушкина, подаренные им своему другу Александру Николаевичу Карамзину.

Обед проходил в 2 часа дня в столовой на первом этаже дома. Одна стена была застеклена, а противоположная – зеркальная. На какой бы стороне стола вы ни сидели, всегда могли любоваться видом цветников, парка и роскошного пруда, вернее, озера. Александр Николаевич Карамзин, как воспитанный человек и любезный добрый хозяин, после обеда занимал нас рассказами из своей молодости и о своем друге Пушкине. Нельзя описать то чувство восторга, которое мы все испытывали при этом, ибо Карамзин необыкновенно красиво и увлекательно говорил. У него был чудный дар красноречия. Но как Александр Николаевич станет рассказывать разные «былины» и стихи, иногда немного антирелигиозные, Наталья Васильевна начнет вздыхать и постанывать. Тогда ее муж переставал говорить, к нашему великому огорчению. И мы расходились гулять по парку, играть в крокет, в чем главным спецом была Ольга Андреевна Голохвастова, страстная спортсменка.

Ольга Андреевна еще за границей, где она долго жила, много играла в крокет, и, конечно, хотела, чтобы и другие играли так же хорошо. Она была живого, даже горячего темперамента, собой недурна, лет 30, очень веселая, но вспыльчивая. Кипятилась, если кто из ее партии сделает неудачный ход, «промажет», отчего вся четверка проигрывает. Эта участь однажды постигла доктора Борко, очень воспитанного человека, европейца: он не попал в шары в решительную минуту, и Ольга Андреевна с молотком в руках подбежала и побила доктора, конечно, не больно. Через 10 минут вся Рогожка знала, что Ольга Андреевна побила доктора, везде разнеслось, и узнал об этом ее дядя Александр Николаевич Карамзин. Он тотчас же пошел (а ему трудно было – 70 лет, и ходил неважно из-за порока сердца) к доктору на квартиру, извинился за свою племянницу, отчего тот смутился, ибо ему было очень жаль старика. Но этого мало – Карамзин попросил доктора к себе на чашку чая.

И за этим чаем, который обычно пили в четыре часа в саду, всегда со свежим сдобным хлебом, только что сбитым и лишь остуженным на льду маслом и сливками, дядя показал племяннице глазами на доктора, и она поняла и извинилась перед ним. Доктор был очень смущен, а Ольга Андреевна уже более не принимала близко к сердцу неудачи игры и не наказывала неумелых и неудачных игроков, ведь «промазать» всякий может.

⁸ Павел Дмитриевич Голохвастов (1838–1892) – писатель, историк, филолог, публицист-славянофил. Служил управляющим Ташинским железным заводом в Арзамасском уезде. В 1882 году был назначен чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел Н. П. Игнатьеве. В 1890-е годы являлся членом Ардатовского училищного совета, имел чин губернского секретаря. (Прим. Т. В. Кучеровой).

А вечерний чай среди роз – это традиционный, фамильный обычай Карамзиных, ибо еще при жизни самого Николая Михайловича самое прогрессивное общество, лучшие люди того времени после бала, концерта или театра приезжали к ним на чай. Хотя ужин скромный, всем гостям очень нравилось, и ежедневно у них бывала масса народу, и Пушкин бывал – и днем, и после часу ночи.

Ольга Андреевна не имела детей, и у ее сестры умершей, что была замужем за Приклонским, ребенок умер, и у Владимира Николаевича Карамзина, так же, как и его брата, женатого на Демидовой-Сан-Донато и погибшего на Кавказе, не было детей. И славный род Карамзиных прекратился, а все громадное состояние Демидовой-Сан-Донато перешло в казну. А Карамзины были бедные, и Александр Николаевич очень нуждался в средствах, ибо его жена Наталья Васильевна последнее отдавала нищим. И он, Карамзин, отказал еще при жизни свое имение, больницу, инвалидный и детский дом своей племяннице Клейнмихель с просьбой ничего не закрывать, все поддерживать.

Я сама удивляюсь, как любили меня старики Карамзины, и мне это так дорого, ибо люди они были чудесные, а ко мне относились, как родные, и, я как их вспоминаю, слезы меня душат.

А. Н. Карамзин умер в 1888 году, а через три года – его жена, и имение перешло к Клейнмихель. Но очень жаль тех ценностей, что были в карамзинской библиотеке – все погибло в 1918 году, разграбленное крестьянами, ибо не было уже любимого ими владельца Александра Николаевича Карамзина.

Я в последний раз была в Рогожке в 1900 году летом, ибо в ноябре этого года совершенно неожиданно 48 лет от роду от разрыва сердца скончался мой муж Н. М. Ситников, за которым замужем я была 16 лет. Овдовев 34-х лет, я так была потрясена, что полгода не могла спать. Никакие снотворные средства не помогали, и такая тоска одолевала, что я решила выпить весь сразу опий, который мне давали понемногу от бессонницы. Я решила покончить с собой и подняла бутылку к губам, но няня (она всего на четыре года была меня старше) отняла бутылку и, показывая на детей, взяла с меня честное слово, что я не буду более так делать. Умница была няня, и сердечная.

Таисия Алипьевна Ситникова с дочерьми и няней, 1904 год. Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым

Добрые люди научили меня поехать в Рогожку, где я много раз жила и всегда очень поправлялась здоровьем, ибо там воздух абсолютной чистоты. В то время Карамзины, мои чудесные, милые, от которых я столько видела внимания, любви и ласки, скончались оба, но были их служащие, которые ко мне относились с сердечным участием, открывали мне библиотеку, где я с наслаждением читала, отчего моя больная душа стала поправляться. Ко мне вернулся сон, весь день я была на воздухе, в дивном парке, дышала ароматом роз и камелий. И я окрепла, получив силы для работы.

Для меня Карамзины всегда памятны будут и любимы, ибо их общество дало моей душе много светлого, прекрасного. Они показали пример, как люди должны относиться друг к другу.

ПОТОМКИ ПУШКИНА

«О Пушкине просила меня написать директор музея Горького Нина Федоровна Куркина. О Пушкине потому меня просили написать, что я была знакома и даже дружила с родной племянницей Пушкина, дочерью его брата Льва Сергеевича, Ольгой Львовной Оборской и ее братом Анатолием Львовичем, женатым на дочери Жуковского...».

Из письма Т. А. Ситниковой-Немировской В. М. Молотову от 16.02.1950 г.

Еще хочется написать об одной моей близкой знакомой и человеке большого ума – родной племяннице Александра Сергеевича Пушкина, дочери Льва Сергеевича, его брата, – Ольге Львовне Оборской⁹. Замуж она вышла 16-ти лет. Первым ее мужем был помещик Хоботов. В первый год брака у них родилась дочь Елизавета. Хоботов вел очень оригинальный образ жизни: утром рано вставал, завтракал с обильными возлияниями Бахусу и уезжал с огромной сворой собак на охоту, откуда возвращался поздно вечером. Стол уже был накрыт для ужина, за который он садился, но скоро валялся под стол, откуда лакеи его вытаскивали за мертвое пьяного и переносили в постель, а утром опять охота – и так в продолжении девяти лет, после чего он скончался.

Ольга Львовна осталась вдовой в 25 лет. Ее единственная дочь Елизавета Яковлевна окончила институт благородных девиц и вышла замуж за Николая Ивановича Лалетина, сын которого Иван Николаевич еще и сейчас в Москве, художник. Он у меня бывает и хорошо помнит, как я бывала у его бабушки Ольги Львовны, а он приезжал с матерью и отцом и долго гостил у нее в Арзамасе.

Трудно судить, насколько красива была в молодости Ольга Львовна, ибо когда я приехала 1889 году в Арзамас и с ней познакомилась, ей было на вид более сорока или около 50 лет. Она была очень похожа на своего дедушку, родного отца поэта, прямо одно лицо, но выражение иное – умнее, энергичнее и выразительнее. У нее был очень высокий рост, красивая статная фигура. Но главная ее особенность – прекрасная мимика: она могла ничего не говоря просто повести бровью, и вы всё понимали без слов. Она была очень гостеприимна, приветлива, любила угостить обедом и говорила, что не любит одна кушать. И у меня часто бывала и дружила со мной, невзирая на разницу наших лет (мне было 24 года) и социальное положение (я учительница). Меня она очень любила за то, что я живой человек среди арзамасцев, которых недаром впоследствии Горький прозвал «окуровцами».

Мы с мужем встречали ее как почетную гостью, ибо оба боготворили Александра Сергеевича Пушкина, а мой муж Н. М. Ситников знал все его произведения наизусть. Ольга Львовна любила играть в карты, в преферанс. Как только она приходила, мы сейчас же посылали за партнерами, окружали ее вниманием, которого она была вполне достойна как родная племянница великого мирового гения, всеми нами любимого Александра Сергеевича Пушкина.

⁹ Ольга Львовна Пушкина (Хоботова, Оборская, 1844–1920). (Прим. Т. В. Кучеровой)

Ольга Львовна очень любила рассказывать о своих родных, а я – внимательно слушать, и, может быть, на этом основывалась наша дружба. Она очень любила своего дядю Александра Сергеевича, часто и охотно о нем говорила, но лишь оставаясь со мной tête à tête, вдвоем, ибо многие арзамасцы не умели ценить Пушкина. Ольга Львовна считала, что молодость и красота Натальи Николаевны Гончаровой его погубили, и если бы дядя не женился, то долго бы прожил и создал немало прекраснейших творений.

Мне Ольга Львовна Оборская много рассказывала о своем гениальном дяде и его родных, при этом имела привычку для усиления впечатления говорить: «А!?» в смысле «Каково, а?». Но у нее это «А!» было чудесное, и еще мимика, так много смысла придававшая тому, что и не сказано. А так как родная дочь поэта Мария Александровна была фрейлиной императрицы Александры Федоровны¹⁰, то от нее Ольга Львовна знала, какие развращенные нравы процветали при дворе. Она говорила со слезами в голосе: «Ну как же мой дядя с его умом гения, светлым и огромным, с чуткой нежной душой мог быть при дворе, где царили такой разврат, ложь, коварство, двуличие? Да еще являться туда в обязательном порядке и в сопровождении очень молоденькой красавицы-жены? Первый шаг во дворец уже предрешил его гибель». Ольга Львовна от Марии Александровны знала все придворные романы и интриги, бывшие и настоящие, критически относилась к царю и придворной жизни вообще. Она рассказывала, как царское правительство растерялось, когда праздновали сто лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Большая сумятица умов была при дворе по этому поводу.

Ольга Львовна рассказала о своей родной тетке Ольге Сергеевне, по мужу Павлицевой, которая была единственной и любимой сестрой Пушкина, который желал ей всего лучшего по своему доброму и отзывчивому сердцу. А сестра была уже в годах по тому времени¹¹ и не выходила замуж, и вот стал у них бывать сосед-помещик Павлицев. Очень он Оленьке понравился, и она ему. Сильно влюбились друг в друга, а родители Оленьки этого не желают: какая-то старинная вражда от дедушек еще мешает ее родителям дать согласие на брак. Очень много красноречия употребил поэт, уговаривая родителей, но все напрасно. Сколько Оленька слез пролила! Хоть и была любимицей матери, которая ее баловала, а на этот раз Надежда Осиповна показала свой характер Ганнибалов. Тогда Пушкин решил повенчать их тайно. Нашел в селе в 10 верстах священника, нанял тройку лошадей, заказал веревочную лесенку, подъехал со стороны сада в 2 часа ночи, подвязав колокольчики, и оставил счастливого жениха у тройки. Подбежал с лестницей к окну мезонина, где уже ожидала его Оленька, бросил ей веревочную лестницу, на одном конце которой была гирька. Оля быстро ее подхватила, привязала лестницу к ручке комода у себя в комнате и быстро спустилась. С братом под руку побежали они к ожидавшей тройке, где сидел счастливый жених, Павлицев. Быстро доехали, так же повенчались, и брат поехал вперед к родителям, убедив их принять новобрачных, на что последовало согласие. Выпили и веселились. Но с Оленькой казус случился, оставшийся на всю жизнь (в этот момент Ольга Львовна делала особенно выразительное «А!»): Оленька, так горячо любившая своего мужа, не могла исполнить обязанность жены: как попадала в его объятия, так с ней делалась неукротимая рвота. Так супруги Павлицевы и разошлись, и осталась Оленька замужней девицей.

¹⁰ М. А. Гартунг была фрейлиной императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. (Прим. А. С. Устинова)

¹¹ Ольга Сергеевна родилась в 1797 г., и в 1828 г. (год замужества) ей был 31 год. (Прим. А. С. Устинова)

У Ольги Львовны был еще родной брат Анатолий Львович, одно время живший в Арзамасе и часто бывавший у сестры, так что я его хорошо знала. Он совсем не был похож на сестру: очень красивый брюнет кавказского типа, моложавый. Очень образованный (за границей учился) и женатый на дочери Жуковского, воспитателя царя. Его жена, урожденная Жуковская, была очень хороша собой, образована, прекрасного характера, любила мужа, и он ее также. У них было двое детей – сын и дочь. И какой ужас случился: она увидела своими глазами, что ее муж изменил ей с горничной-мордовкой, совершенной уродиной. Она не простила мужу измены и, забрав обоих детей, уехала к отцу, так что, когда я познакомилась с Анатолием Львовичем, жены у него уже не было, а он жил с этой уродливой девицей в Арзамасе.

Для довершения эффекта Ольга Львовна показала мне ту, на кого ее братец променял красавицу-жену. Когда я была у нее в гостях, она послала за этой морганатической женой брата. Несмотря на предупреждение, особенное безобразие этой женщины, имевшей уже сына от Пушкина (в отца довольно красивого), меня поразило. Я опишу ее: голова в форме кувшина, в верхней узкой его части – две узенькие щелочки ничего не выражающих глаз, а в нижней широкой части лица – очень маленький рот с негритянскими губами, сама уже толстая, разъезжая. Такой вот жизненный курьез.

Я как-то прихожу к Ольге Львовне, которая, читая письмо от сестры Марии Львовны из Москвы, горько роняла крупные слезы. Утирая их, стала рассказывать: у ее сестры есть сын-студент, который, придя к матери, потребовал от нее серьги из ушей с крупными бриллиантами, которые она не давала. Тогда сын вырвал их, прорвав кожу, чтобы подарить певице Варе Паниной¹², которую большинство студентов обожали за оригинальное пение, ибо она была и некрасива, и немолода. Пела она почти мужским голосом, но столько было в этом пении какой-то исключительной красоты душевной, что недаром, когда она ехала с концерта в Большом театре, московские студенты выпрягали лошадей и везли ее сами.

Я ее, Варю Панину, сама видела и слышала и хочу поделиться своими впечатлениями. Это было году в 1910-11-м. Варя Панина должна была дать в Н. Новгороде концерт в Коммерческом клубе, но долго не могла приехать: поезд из Москвы опоздал. В день концерта публика собралась, а ее нет. Вход на сцену был через очень большой зал, и вот я вижу: пробирается немолодая, невысокого роста, некрасивая дама в белой ротонде и такой же шапочке, – и в зале молчание, к чему она не привыкла в Москве, которая встречает ее овациями. Кто слышал ее не в первый раз, говорили, что это расхолодило ее, обидело, и она хуже пела. Но я первый раз слышала. Пела она сидя, вся в белом. О, как она пела! Сколько души и какой-то сладкозвучной, особой музыки в ее пении, что вы забываете все окружающее, слушая ее! Ее коронная песня – «Хризантемы». Чудо! Красота! Но говорили, что она была обижена холодным приемом нижегородской публики, где преобладал купеческий элемент. Сами купцы называли город не «купеческий», а «купецкой», и потомки их, хотя и вышли в культурное сословие, а черствость и холодность души осталась. Были и тогда люди прогрессивные и культурные, но в загоне, т. е. материально не обеспечены, так что не могли посещать концерты. Так что в большинстве публика была, что называется, «серая», которую так чудесно описал во многих своих произведениях Горький.

¹² Варвара Васильевна Панина (урожденная Васильева, 1872–1911) – популярная цыганская певица, исполнительница романсов, отличавшаяся низким контральто и особой манерой пения. (Прим. Т. В. Кучеровой)

Ольга Львовна Оборская, как и ее дядя А. С. Пушкин, всегда боялась кошек, а в старости – еще и пьяных, и, чтобы создать себе более спокойную жизнь, продала свой дом и поселилась на территории Арзамасского Алексеевского монастыря, который был занят Красной армией в 1918 году. Приехав тогда по делам в Арзамас, я ее нашла в огороде в бане, лежащей на одних досках и без подушки. Она заплакала, как меня увидела, и вспомнила, как мы радовались, когда свергли царя. И вообще она была всегда очень прогрессивных мыслей и много рассказывала анекдотических случаев про последнего царя.

В это время председателем НКВД в Арзамасе был родной племянник моего покойного мужа Ситникова – студент А. Ф. Зиновьев, и я пошла к нему. По характеру он был очень мягкий, а время было жесткое, но я обратилась к нему. Пошла прямо в учреждение и обо всем рассказала, на что он ответил так: «Тетя Тая, что делать? Людей нет! Работать не с кем!». Но все же обстановка, где находилась бедная старуха, урожденная Пушкина, улучшилась. Но она вскоре скончалась.

Ольга Львовна обещала подарить все письма своего дяди поэта Пушкина моей старшей дочери Софье Николаевне Ситниковой, окончившей высшие курсы по литературному отделу. Но в силу каприза старого человека не отдавала вещей до своей смерти, и письма погибли вместе со всей обстановкой: красноармейцы взяли их на папиросы.

ПОКЛОННИКИ

В Ардатове у меня были поклонники, хотя я серьезно смотрела на жизнь, любила мужа и при этом даже не подозревала, насколько была красива и стройна. Может быть, это незнание и привлекало ко мне мужчин, которые смотрели на меня влюбленными глазами, что меня очень удивляло.

Один мой поклонник чуть не покончил с собой – спасли его. Учитель с высшим образованием по фамилии Виолентов, преподавал математику в городском училище (имя и отчество его не помню). Хохол, молодой, очень красивый, среднего роста. Я с ним познакомилась уже будучи учительницей, 17 лет мне было, я еще не замужем была. Ежедневно мы гуляли в общественном саду с подружкой Маней Введенской, очень хорошенькой девушкой невысокого роста, и нас прозвали «роза» и «маргаритка». Виолентов ежедневно встречался и гулял с нами в саду, где играли в крокет, бегали на гигантских шагах. Я всегда со всеми была весела и приветлива, и молодежь очень любила мое общество.

Раз Виолентов мне говорит, что на днях пришет за мной тройку лошадей и коляску, и мы поедем на вечер в д. Осиновку к Пришельцевым в 30-ти верстах от Ардатова. Я училась вместе с их дочерью Маней Пришельцевой, которая мне писала, очень звала, чтобы я к ним приехала в имение, где ее отец был управляющим. Я сказала Виоленту: «Хорошо, заезжайте», – и лицо его просияло, а я подумала: «Вот чудак! Что с ним?». Я училась французскому языку у моего будущего мужа Н. М. Ситникова и на уроке сказала, что пропущу несколько дней, т. к. поеду в деревню на рождение своей подруги. На это мой учитель Н. М. Ситников сказал: «У вас нет мамы, и я бы не советовал вам ехать на этот праздник. Воздержитесь, т. к. мать этой вашей подруги имеет репутацию очень легкомысленной женщины».

Я так и сделала, хотя очень мне хотелось поехать на праздник в деревню, где будут танцы на воздухе, катанье в лодке и фейерверки. Но я дала слово не ехать и сдержала его: когда заехал за мной Виолентов, весь сияющий, с блестящими глазами, на тройке лошадей с

прекрасной нарядной сбруей, которой соответствовала и коляска, то я вышла и сказала, что заболела и ехать не могу. Не могу описать, как побледнело и исказилось страданием лицо Виолентова, мне его даже стало жаль. Когда же он вернулся в свою квартиру, отпустил лошадей и быстро запер дверь своей комнаты. Когда сильно стукнула отброшенная ногой скамейка, то бывший рядом хозяин квартиры, к счастью, очень сильный, быстро высадил дверь и вынул Виолентова еще живого из петли. Вскоре он уехал на родину, на Украину, и я более не видала его, но была очень рада, что хозяин, умница и здоровяк, спас его, – лишь осталась на шее синяя полоса. Виолентов все данные имел для того, чтобы я ответила на его сильное чувство ко мне – образован, умен, красив, молод, но, очевидно, верна русская поговорка: «Не по-хорошему мил, а по милу хорош».

В числе моих знакомых был Александр Эдуардович Беатер, по матери русский, сын помещицы, а по отцу англичанин. Он учился за границей, окончил два факультета, консерваторию, чудесно играл на рояле. Когда он вечерами играл у себя на квартире, то половина города собиралась у его окон. Беатер за границей учился гипнотизму – внушению глазами, которые у него, кстати, были очень красивы, – и он во всю силу воли старался внушить мне любовь к себе. Но я была сильна своей любовью к мужу и детям, и иногда уходила из дома к знакомой старушке, чтобы не видеть Беатера, всегда смотрящего на меня умоляюще. Любя мужа, я боялась его огорчить, что было ему вредно, так как у него был порок сердца, рано унесший его в могилу (он умер от разрыва сердца в 48 лет во время болезни гриппа, которого не выдержало его сердце).

Как-то раз я, играя с детьми у себя в саду, пела, а Беатер, как всегда, кружил около нашей квартиры, и, услышав мое пение, горячо начал убеждать меня и моего мужа, чтобы я училась у него, у Беатера, музыке и пению. Ох! Много силы воли, очевидно, было у меня, поскольку я не согласилась, а ведь он был большой музыкант! И муж мне разрешал! Мой муж меня безумно любил и верил мне. Ну могла ли я подвергать нашу любовь опасности? И позволить сплетням запятнать нашу любовь? А почва была: муж был старше меня на 14 лет.

От природы Александр Эдуардович был очень добрый, воспитанный, очень умный, глубоко образованный человек. Он был красив, богат, молод и холост, так что мои подруги, не вышедшие еще замуж, очень за ним ухаживали. Беатер жил недалеко и почти ежедневно бывал у нас, ибо мы были люди гостеприимные, а клуба в городе не было. Бывали еще врачи и играли в винт и фальку¹³, а разговаривали только за ужином и чаем, ибо если бы не играли в карты, то возбуждали бы подозрение жандармерии. Это было в 1885 или 1886 году, когда свергли Лорис-Меликова, и настало время Победоносцева, период реакции¹⁴.

Однажды в мое окно постучали два студента с «волчьим билетом». Многие исключенные студенты за политические убеждения получали так называемый «волчий билет», это представляло ужасающее наказание, о котором я и хочу рассказать. Ужас в том, что кто их возьмет, тот подвергается репрессии полиции, т. е. если служит, то места лишится. И на квартиру их по той же причине не брали, где эти несчастные страдальцы дали б отдых своим ногам, так ужасающе разбитым. А срок им дан три дня в каждом городе, а раз не найдут ни угла, ни работы, то иди далее и так без конца!

Мы жили в низеньком домике в Ардатове, и я всегда сочувственно относилась к

¹³ Фаля (по словарю В. И. Даля) – восьмерка пик при игре в горку или три листа. (Прим. А.С. Устинова)

¹⁴ Отставка М. Т. Лорис-Меликова с поста министра внутренних дел была официально принята 4 мая 1881 года, 29 мая 1883 года он был уволен в бессрочный отпуск с разрешением присутствовать в Государственном совете. Что касается К. П. Победоносцева, он с 1880 года занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. (Прим. Т. В. Кучеровой)

бедствию ближнего, что, очевидно, и заметили эти несчастные бродяги поневоле и подошли к моему окну. Мне так было их жаль, что я бегала по городу к знакомым, но все боялись потерять место, особенно те, у кого маленькие дети, и на квартиру их по той же причине не брали.

По своим убеждениям Беатер был тайный подпольщик, а в Ардатове занимал большую должность судьи¹⁵. Как он говорил, для меня он готов в огонь и в воду, и потому откликнулся на мою просьбу помочь политически неблагонадежным студентам. Одного Беатер хотел взять к себе в письмоводители, а другого – кучером, т. к. держал пару лошадей. И что же? Только он это сделал к великой радости этих несчастных, как начальник жандармского управления пригласил Беатера к себе и объявил, что он потеряет место, если тотчас же не уволит этих живущих у него студентов. Вот как расправлялось царское правительство за одни только убеждения. Беатер был очень огорчен, что не мог исполнить моей просьбы и помочь этим страдальцам.

В 1889 году закрылся съезд мировых судей, мой муж Н. М. Ситников остался без места, и мы переехали в Арзамас с двумя детьми – Соней 4-х лет и годовалой Наташей. Беатер горько сожалел, что мы уезжаем, а я была рада, ибо было очень тяжело смотреть на его страдающие глаза, ожидающие от меня ласки. Когда мы уехали в Арзамас, то Беатер приезжал к нам. Прогостив дня три, которые он провел, играя с моей младшей дочкой, он уехал в Ардатов и более я его не видала, ибо через год после этого он застрелился¹⁶. Все знакомые о нем сожалели и недоумевали, чего не хватало этому человеку: молод, красив, богат, свободен, с хорошими средствами, которыми он, имея доброе сердце, делился с неимущими.

Известие о его смерти мне привезла подруга, которая очень надеялась за него выйти замуж, а меня упрекала в бессердечности. Но он не от любви ко мне покончил с собой, ибо был большой силы воли и ума человек и очень любил жизнь, ее красоту, но не любил ее отрицательных тяжелых сторон. Он поехал в деревню, в свое имение, где к нему обратились бедняки как к судье и бывшему барину, прося защиты. Он возмутился, погорячился и дерзко обошелся с приехавшим туда становым, который пригрозил ему тюрьмой, сказав: «Не поглядим, что ты судья и бывший барин». Приехав домой и привезя с собой целую коляску ландышей, Беатер убрал всю квартиру этими чудными цветами, сел в кресло, обсыпал себя теми же цветами и застрелился, не желая попадаться в лапы охранки как подпольный секретный работник. И еще грязь тюрьмы его испугала как эстета, любящего чистоту.

Помощь несчастным странникам помогал оказывать мне и другой поклонник, М. В. Лобис, земский врач. Он лечил меня и детей от туберкулеза и часто бывал в гостях, ибо жил рядом. Лобис был очень красивый и очень умный человек, с оригинальным умом. Некоторые даже считали его чудаковатым, но был честнейший человек и прекрасный доктор, удивительный диагност, разбиравшийся в самых мудреных скрытых болезнях. Он долго был

¹⁵ Дворянин Александр Эдуардович Беатер в Ардатове занимал выборную общественную должность почетного мирового судьи и не получал за свой труд вознаграждения. См., в частности, Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1890 год, с. 201. (Прим. Т.В. Кучеровой)

¹⁶ Беатер застрелился в 1894 году. Нижегородские газеты «Волгарь» и «Нижегородский листок» писали: «Нам доставлены некоторые подробности о самоубийстве в г. Ардатове земского начальника 4-го участка Александра Эд. Беатера. Покойный застрелился 3 июня в своей квартире. Смерть его была мгновенной, т. к. пуля попала прямо в сердце. Покойный оставил записку, в которой просит в его смерти никого не винить и причин самоубийства не искать, т. к. они слишком сложны. Дознанием установлено, что Беатер в последнее время был в ненормальном состоянии, поэтому есть основания предполагать, что он лишил себя жизни в припадке психического расстройства». Цит по: Волгарь. – 1894. – № 129 (8 июня). – С. 2. (Прим. Т. В. Кучеровой).

холост, и к нам ежедневно ходил и убеждал меня (а мне было 20 лет), что я несчастлива в своем замужестве, ибо мой муж ежедневно уходит играть в карты. Я ему молча указывала на дверь. Тогда он весь, внутренне съезжившись, как бы испугавшись, говорил: «Не буду, не буду!», – и сидел после этого молча весь вечер и смотрел на меня умоляюще. Мне иногда приходилось его обманывать: когда он приходил с парадного крыльца, я с черного уходила к бабушке, которая после смерти дедушки жила в нашем домике с моей сестрой и братом. Лобис очень был огорчен, когда я от него убегала, но я не могла ответить на его любовь, ибо любила своего мужа и не хотела его огорчить.

Лобис, когда мы уже уехали из Ардатова, женился на великовозрастной девице, богатой землевладелице, имел сына и дочь и был большим врачом в Нижнем Новгороде и Сормово. Как-то раз, когда мне было уже за 40, я сидела в Нижнем на Откосе, на крутом берегу Волги. Был закат, и солнце красиво отражалось в Волге. Подходит Лобис, здоровается, садится рядом и говорит: «Как кругом красиво – и эта отражающаяся в воде заря!». Долго молчал, и я молчу, и вдруг он сказал: «А вы все еще так же прекрасны, как эта заря!», – посидел еще, встал и ушел. Он был честнейший доктор: во время эпидемии тифа в 1920-х годах не боялся больных, много работал, заразился и умер в Сормово, где его очень любили рабочие.

Я пишу сущую правду, у меня не было романов, лишь только один платонический – к Горькому и настоящий – к мужу, которого я полюбила его за его чистую добрую душу, ибо не переношу грубости и насилия, а особенно жадности.

ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ¹⁷

«Мне в мае пойдет 85-й год, а в 1902 году я была молода, говорят, очень красива и была знакома с Горьким, который был сослан в Арзамас, а я жила рядом. После смерти Алексея Максимовича ко мне два года ходили друзья Горького с просьбой, чтобы я написала воспоминания о нем. Для меня эти воспоминания были святыня, и я не хотела о них писать. Чаще других приходил сельский учитель и близкий друг Горького Безруков, который не так давно умер. Я после войны согласилась написать то, что сейчас посылаю Вам...»

(Из письма Т. А. Немировской В. М. Молотову от 16.02.1950 г.)

Это было в 1902 году, ранней весной, в апреле месяце¹⁸ в Арзамасе Нижегородской губернии, куда был сослан наш дорогой писатель Алексей Максимович Горький. Он приехал с женой Екатериной Павловной, очень красивой молодой дамой, и двумя детьми – Максимом четырех лет и дочкой Катей двух лет или около того. Горький с семьей поселился на Сальниковой улице в доме М. П. Подсосовой¹⁹, а я жила рядом²⁰. Между этими домами был довольно узкий переулок (а назывался он почему-то Новоplotинной улицей²¹),

¹⁷ Авторское название этой части воспоминаний – «Маленькое о большом человеке». (Прим. Т. В. Кучеровой)

¹⁸ 5 мая по новому стилю. (Прим. Т. В. Кучеровой)

¹⁹ В настоящее время – ул. Карла Маркса, 17. (Прим. А. С. Устинова)

²⁰ Большой деревянный 2-этажный на каменном фундаменте дом тестя, Михаила Ситникова, располагался по адресу ул. Сальникова, 13 до его сноса в 1980-е годы при строительстве музея А. П. Гайдара. (Прим. А. С. Устинова)

²¹ Позже улица была названа в честь Максима Горького. (Прим. А. С. Устинова)

соединявший Сальниковую улицу с бульваром и рекой Тешей под ним. Это было единственное место, где можно было подышать воздухом без пыли, и потому жители улицы Сальниковой ходили на бульвар и реку по этому переулку.

Я тоже ежедневно ходила рано утром через бульвар, торопясь на работу к 6 утра. Служила я в винной лавке, куда поступила 1 июня 1901 года, оставшись вдовой после неожиданной смерти моего первого мужа Н. М. Ситникова, умершего от разрыва сердца в возрасте 48 лет.

Я осталась без пенсии и без средств с четырьмя дочками – пятнадцати, одиннадцати, семи и трех лет, а в учительницы меня не приняли как вдову политического. До замужества я работала учительницей в г. Ардатове Нижегородской губернии, где преподавал французский язык мой будущий муж, исключенный из студентов Горного института в 1881 году²² как близкий друг Кибальчича²³ за убийство царя Александра II. Не разделил участь своего друга мой муж Н. М. Ситников лишь потому, что задолго до 1 марта попал в больницу, где два месяца лечился от желтухи. Вот почему его только исключили, лишив прав государственной службы, а меня – прав на службу и пенсию, и я уже не могла поступить в учительницы. Товарищи мужа по гимназии²⁴ хлопотали за меня и достали мне место в винной лавке. Нашли и квартиру, где я могла давать уроки, репетировать по русскому и математике, т. к. я хорошо знала эти предметы. Таким образом, я была занята с 6 ч. утра до 11 ч. вечера.

Я Горького встречала – и это было ежедневно не раз в день – на этой Новоplotинной улице. Но я не могу и сейчас сказать – слезы мне мешают писать, – какое впечатление на меня произвел Горький, даже не бывши мне знакомым. Его лицо, вся фигура, слегка согнутая, носила особый отпечаток какого-то внутреннего благородства, духовного изящества, что я ранее не видела ни в одном человеке. Но глаза, глаза его, такие глубокие, ушедшие в себя и в то же время все видящие и потому готовые помочь каждому страждущему, – они и ласкали, и как бы любили весь мир. Горьковских глаз не забыть, кто хоть раз их видел!

И мне стало страшно, что я могу полюбить этого человека, семейного, женатого, что, по моему убеждению, было преступлением, и я решила прятаться от встреч с ним таким образом: как завиху его могучую фигуру издали, а я в молодости была дальнорорка, то или возвращаюсь обратно, или свертываю в перпендикулярные нашей Новоplotинной улицы – Новую²⁵ или Прогонную²⁶. Когда мы познакомились с Алексеем Максимовичем, он мне рассказал, что это имело как раз обратное на него действие.

²² По данным ЦГИА СПб., Н. М. Ситников поступил в Горный институт в 1875 году, а в мае 1877 года он заявил о прекращении учебы по семейным обстоятельствам, а не был исключен по политическим мотивам. Н. М. Ситников и его семья не имели права на пенсию, т. к. он, вероятно, боясь расследования его прежних связей с народовольцами в студенческие годы, не сообщал о своей службе в течение жизни, поэтому не получал штатных чинов табели о рангах, не имел документально оформленного стажа и не продвигался по карьерной лестнице. (Прим. А. С. Устинова)

²³ Н. И. Кибальчич с октября 1875 до июня 1878 года (т. е. во время пребывания Н. М. Ситникова в С.-Петербурге) содержался в киевской тюрьме по обвинению в революционной пропаганде среди крестьян Киевской губернии. (Прим. А. С. Устинова)

²⁴ Товарищем Н. М. Ситникова по Нижегородской губернской гимназии, много помогавшим его вдове в обустройстве жизни и определении двух дочерей в Александровский институт в С.-Петербурге, был Николай Андреевич Зверев, выходец из крестьянской семьи, уроженец Горбатовского уезда, русский юрист, ординарный профессор Московского университета, политик и общественный деятель, член Госсовета (1909–1917). Ему, как и Н. М. Ситникову, покровительствовал земский начальник Дмитрий Васильевич Хотяинцев. По словам Горького, во время его пребывания в Арзамасе его «особенно невзлюбил» именно Д. В. Хотяинцев. (Прим. А. С. Устинова)

²⁵ В настоящее время – ул. Кирова. (Прим. А. С. Устинова)

²⁶ В настоящее время – ул. Советская. (Прим. А. С. Устинова)

Таисия Алипьевна (сидит слева) с сестрами Марией (сидит справа), Анастасией (впереди), Татьяной и Анной (стоят позади). Арзамас, июль 1894 года.

Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым

Неожиданные встречи были на берегу реки у купальни, которую содержал частник – Горбатенький Володя. У купальни он имел собственную избушку, в которой жил со своей семьей (жена и маленькие дети). В полую вешнюю воду перебирался на берег к добрым людям, пускавшим его с семьей, а после спада воды снова помещался в свою избушку. В романе «Дело Артамоновых» у Артамоновых есть дворник Тихон, так он многим напоминает Володю Горбатенького, с которым Горький много разговаривал, когда сидел у купальни.

Сидели у купальни подолгу, ибо пускали по одному человеку, даже одного пола: очевидно, жители Арзамаса (Окурова²⁷) не имели привычки относиться с уважением к чужой

²⁷ По рассказу М. Горького «Городок Окуров», в котором прообразом места действия послужил г. Арзамас. (Прим. А. С. Устинова)

собственности. Как-то раз мы, еще не будучи знакомы с Горьким, встретились у речки, долго ожидая очереди: он с 4-летним сыном, а я с дочерью 16 лет. Как сейчас вижу его сидящим в широкополой шляпе на лавочке с неизменной папиросой во рту. Моя дочь сказала: «Мама, как долго», – а лето было знойное, и утром на солнце жарко. На это Горький невольно оглянулся и сказал: «А я думал, Вам 20 лет». А мне тогда уже было 36. Моей молодостью даже интересовались профессора в Москве, в клинике, куда я обращалась по поводу болезни легких, а вид у меня был совсем как у здоровой. Моя учительница в гимназии Софья Александровна Зеленецкая (она дожила до 90 лет), когда мне было уже за 50, призналась: «Не было красивее тебя в Арзамасе (а купцы женились только на красивых, вывозя невест часто из дальних медвежьих углов), – яркий румянец, белый лоб, сине-голубые блестящие глаза, красивый рот, губы ярко окрашены и как перламутр зубы», – а ранее боялась говорить, считая, что мне вредно это знать для устойчивости моей нравственности. А я и не подозревала, что я была красива и стройна.

Часто в нашем переулке я встречала любимую дочку Алексея Максимовича Катю двух лет, которую еще носила на руках няня. Я с ней, проходя, всегда разговаривала, и она, смеясь, лепетала по-своему. У Кати было круглое, русского типа личико со слегка вздернутым носиком. Катя была очень хорошенькая девочка, похожая на свою мать Екатерину Павловну, а мне Горький впоследствии говорил, что Катенька еще более похожа на свою бабушку, мать Горького, которая была красавицей, но рано умерла. Катенька умерла в 1906 году и похоронена в Горьком, на кладбище Крестовоздвиженского монастыря, где у нее замечательный памятник: огромная глыба почти неотделанного камня гранита, а в верхней части которого из этого же камня высечено чудесное личико Кати²⁸. Ну до того художественно сделано, что нельзя оторваться, а все хочется смотреть и смотреть – замечательная работа художника-скульптора Мухиной²⁹.

Излишне говорить, что Горький был центром внимания арзамасцев, никто не относился к нему равнодушно: обыватели пугливо, с опаской косились на него, как на ссыльного, политически неблагонадежного. Иные из них с нескрываемым любопытством рассматривали писателя. У его окон всегда стоял полицейский, заглядывавший часто в комнаты, – очевидно, такая дерзость была по приказанию местных властей. Но были и такие, которые с восторгом и тайным трепетом смотрели на любимого писателя. Певец Шаляпин, желая навестить в ссылке своего друга Горького, приехал в Арзамас и остановился у него в квартире на Сальниковой улице и много пел³⁰. Так весь город как бы проснулся, и все высыпали на Сальниковую улицу и вели себя по-окуровски: огромная толпа шумела, галдела, кашляла, и лишь огромные голосовые средства мирового певца могли заглушить этот шум.

Напротив дома, где жил Алексей Максимович, жили мои знакомые Ахмаметевы, к которым мы, интеллигенция, почитающая и любящая писателя, приходили и смотрели в окна и слушали, ловя каждое слово обожаемого писателя, пролетавшее через улицу.

²⁸ При уничтожении Казанского кладбища при Крестовоздвиженском монастыре надгробие Кати Пешковой было перевезено на Красное кладбище (ул. Пушкина), вероятно, в качестве кенотафа. (Прим. А. С. Устинова)

²⁹ Подтверждения тому, что В. И. Мухина является автором надгробного памятника Катюше Пешковой в Нижнем Новгороде, найти не удалось, но ей принадлежит авторство надгробного памятника Максиму Пешкову на Новодевичьем кладбище в Москве. (Прим. Т. В. Кучеровой)

³⁰ По данным музея Горького в Арзамасе, в действительности Шаляпин не бывал в Арзамасе у Горького, а в его квартире пел писатель С. Г. Петров (Скиталец), которого горожане лишь принимали за Шаляпина. (Прим. А. С. Устинова)

С Горьким нас познакомил отец Федор Владимирский, священник Троицкой церкви³¹. Я очень хотела познакомиться с Горьким и в то же время боялась встречаться с ним, ибо от природы была очень застенчивая, робкая. Случай помог. Пошли мы с П. Ф. Карповой³², как ежедневно делали, утром рано на реку купаться и увидели издали на бульваре о. Федора Ивановича, сидящего на лавочке рядом с Горьким. Моя Пашенька, как я ее называла, бегом проскочила бульвар, а я должна была подойти к о. Федору поздороваться. Он и представил меня Горькому. Именно представил и все обо мне рассказал, хотя и не имел достаточно времени для этого, ибо шел служить раннюю обедню. С Горьким он был знаком, раз ходил к нему ночью, в 2 часа, под проливным дождем, и до заутрени они беседовали, решая мировые философские вопросы. В этих прениях тогда принял участие гостивший в это время у Горького писатель Андреев, очень удивленный умом и развитием простого священника, и даже говорил Горькому: «Я тебе завидую, какие у тебя удивительные знакомые люди-самородки».

Действительно, о. Федор Иванович Владимирский был личностью необыкновенной. Он пользовался большим уважением в городе как человек свободолюбивый, независимо себя державший, очень большого ума. Авторитет его в глазах интеллигенции еще более поднялся, когда стало известно, что он бывает у Горького. Я была близко знакома с семьей Федора Ивановича, а моя старшая дочь Соня дружила с его дочерью, тоже Соней, которая была в первые годы Советской власти заведующей Наркомпросом и очень молодой умерла от операции³³. О. Федор Иванович очень сердечно и сочувственно относился ко мне и моей жизни вдовы с четырьмя сиротами.

Когда я подошла к ним на бульваре, он познакомил меня с Горьким, посадил около себя и сказал: «И вот вдова, героиня, мать четырех дочерей. Муж был политический ссыльный, исключенный студент Горного института за убийство царя Александра II, потому она пенсии на детей не получает. Но детям своим дает образование, хотя сама хрупкая, как тростиночка, учит, репетирует учениц гимназии и сама учится на заочных фельдшерских курсах и будет сдавать экзамен в Нижнем. Но хорошо бы ей выбраться из Арзамаса, где она беззащитна от нелепой сплетни и клеветы, и потому тяжело ей здесь жить в обывательском болоте, каков этот город».

Далее о. Федор еще рассказывал, а Горький внимательно слушал о том, что когда я училась в прогимназии в Арзамасе, где о. Федор Иванович был членом учительского совета, то я была не только первой в классе, но и во всей гимназии. «Ей и фамилия была Добросмылова. У нее способности были и прилежание. Она так писала сочинения, что учительница русского языка С. А. Зеленецкая предсказывала, что она будет писательницей. Еще она имела особый дар Божий: голос и абсолютный слух. Учительский совет хотел на свой счет далее в Нижний отправить ее учиться, но скоропостижно умирает мать 33 лет родами. Отец не перенес горя и умер вскоре в возрасте 36 лет, оставив восемь человек малолетних детей на ее попечение, т. к. она была самая старшая – 16 лет. Потеряв горячо любимую мать, она была от горя тяжело больна, но как силы восстановились, то она со всей энергией принялась хлопотать, чтобы устроить сирот-сестер в Николаевский институт в Москву, а сама поступила в женскую школу учительницей в г. Ардатове, в 1883 году. Много-

³¹ Троицкая церковь располагалась рядом с сохранившейся Знаменской церковью, на месте современного памятника А. В. Ступину. (Прим. А. С. Устинова)

³² Арзамасская учительница Прасковья Федоровна Карпова, дочь хозяина дома, где была винная лавка, в которой служила Таисия Алипьевна. (Прим. Т. В. Кучеровой)

³³ Софья Федоровна Владимирская (1885–1923), по второму мужу Коршунова. (Прим. А. С. Устинова)

много энергии и труда она положила, чтобы устроить сестер в Москву из такой глуши, как Ардатов».

Зная исключительную добрую, чуткую и отзывчивую душу Алексея Максимовича, можно судить, какое это на него произвело впечатление.

После знакомства с Горьким мы часто встречались рано утром на бульваре и разговаривали, если там никого не было. Глаза наши говорили, что наши души близки друг другу.

Много Алексей Максимович рассказывал про свое детство и отрочество, и если читать очень интересно, то слушать тяжело, ибо он говорил изумительно, чудесно... Когда он говорил, я с трудом сдерживала слезы. Много говорил он про свою чудесную бабушку, которая его вырастила, помогла пережить все ужасы детства и подарила миру такого великого человека. А про свою мать рассказывал, что это была русская красавица и большая умница, очень добрая, сердечная, а в жизни несчастная. Она рано овдовела, когда умер ее первый муж, отец Горького. Это был самородок из рабочих, большого ума, доброй души, очень начитанный, второй Кулибин, что обещало счастливое будущее. Умер неожиданно от холеры в Астрахани, куда был назначен на большое ответственное место. Сына своего Алексея оставил 2-х лет. Его мать вышла замуж за второго мужа, который был или бессердечный, бездушный, или бесхарактерный – проиграл в карты все, что она имела, – приданое, деньги и вещи – оставив ее с малолетним сыном нищими. От тяжелых переживаний она получила туберкулез, от которого и скончалась, когда Горькому было всего 10 лет и он лишь окончил школу. Он один был при смерти своей матери, если не считать годовалого брата Колю.

Сколько он пережил! Так мне было его жаль, что хотелось стать перед ним на колени и земно поклониться его страданиям.

Он просил меня рассказать о себе, и у нас оказалось много общего в переживаниях, в прошлом, в детстве, и мы оба были больны туберкулезом, хотя и не злостным.

Моя мама, которую я безумно любила, была умница, прекрасная, добрая, гуманная, и она умерла скоропостижно 33-х лет одиннадцатыми родами от кровотечения. А было это в г. Ардатове. Помочь остановить послеродовое кровотечение было легко, но я не знала как, хотя мне было 16 лет. Я побежала за врачом, стучала к нему в дверь, а он всю ночь в карты играл и пришел, когда уже не было у мамы пульса. Это было в 9 часов утра, и моя любимая мама лежала в луже крови на полу: в предсмертном ужасе она бросилась с кровати на пол. А так было легко спасти жизнь молодой здоровой женщины! Тогда же я решила, что буду учиться на фельдшерицу, чтобы иметь возможность помогать бедным людям, к которым не все врачи любят ходить.

Была и у меня, как у Горького, чудесная умница-бабушка со стороны матери, добрейшая, всем готовая помочь и всех обогреть, за что ее звали в деревне «наше солнышко». И она точно так же нюхала табак. Была она дочерью священника села Ардатовского уезда³⁴, ее отец умер³⁵, оставив семь дочерей и пятерых сыновей. Красивую

³⁴ Село Сыресево Ардатовского уезда Нижегородской губернии. (Прим. А. С. Устинова)

³⁵ Священник с. Сыресево Иван Алексеев умер в 1843 году. (Прим. А. С. Устинова)

дочь отдали за священника³⁶, место старое зачли, как было тогда заведено, а мою бабушку как некрасивую выдали в село Кужендеево за пономаря³⁷, что был ниже дьячка.

Бабушка была неграмотная, но от природы умная, трудолюбивая, сердечная. Село, где она жила, Кужендеево, в трех верстах от Ардатова, стояло на большой дороге, где много проходило странников, и она всю свою жизнь кормила их обедом, что мы сами ели, – и зимой, и летом давала полный обед, а не милостыню. В деревне всем нуждающимся и больным помогала, и я многое помню, хотя мне было не более 4-6 лет. Я с ней ходила к болящей Дарье, у которой отнялись руки, ноги и не видели глаза, а она сама была очень молодая и красивая, и за ней ухаживал ее муж Иван, тихий, кроткий человек. Ну, совершенно как описано у Тургенева в рассказе «Живые мощи». Мы носили Дарье еду, что повкуснее, т. к. она была нервная, раздражительная. Я так любила бабушку, что когда она шла к Дарье в праздник, то я бросала на улице игры с подругами и бежала за ней, цепляясь за платье. Несмотря на то, что у больной в избе было жарко, ибо она все время зыбла, и стоял очень тяжелый дух, бабушка сидела долго, желая успокоить несчастную больную, все ей рассказывала, кормила ее, а мне хотелось на солнце, на воздух, но я не уходила – так я любила бабушку.

Чтобы заработать, бабушка ходила к крестьянам и жать, и косить, и молотить. Кроме работы в поле, она пряла и ткала, и я с ней научилась этому, а дедушка чинил обувь, ибо получал седьмую копейку дохода. И вот моя чудесная бабушка с такими доходами ухитрилась меня послать учиться в Арзамас в прогимназию. Когда я окончила приходскую школу с похвальным листом, то учительница этой школы, Ольга Алексеевна Терновская, сказала маме и бабушке: «Грех не учить эту способную и умную, и очень прилежную девочку», – и меня мама на те гроши, что дала бабушка, свезла на экзамен в Арзамас. А после того, как я блестяще сдала вступительный экзамен во второй класс, бабушка отвезла меня учиться в Арзамас на возу с попутчиками. А готовилась я сама, одна, ибо средств не было нанять учителя, и дорогой, как сейчас помню, учила географию. Чтобы бабушке было легче за мой угол платить хозяйке, я вечерами вязала из шерсти платки, а если было много уроков, то и ночью вязала, а чтобы бабушке легче платить за мое пропитание хозяйке, я ей мыла полы.

В довершение сходств тяжелых обстоятельств моего детства с детством Горького скажу, что я училась рано, с пяти лет, у мамы по часослову и псалтыри. И также в раннем детстве я была очень жестоко высечена. Горького дедушка чуть не до смерти порол, а меня отец жестоко избил от своего тяжелого характера. Мне теперь 80 лет, но я не могу вспоминать это без содрогания. Отец был иногда болезненно жесток от своей нервности. Он был последним 25-м ребенком в семье дьякона того же села Кужендеево, где дедушка был пономарем, и служил сельским писарем. Жили мы всей семьей в избушке у дедушки. Детей уже было пять человек, я старшая, 7 лет. Наша добрейшая мама нас пальцем не трогала и даже не кричала на нас, лишь всячески оберегала от пинков папы.

Высекли меня за следующее «преступление». В нашем большом богатом селе жарким летом была свадьба. На второй день гуляли по селу с песнями молодые и гости, плясали, играли на гармонии, а за ними бежало все село, не исключая детей. Зрелище было красочным, особенно в солнечный день. Дружка, главный распорядитель свадьбы, был украшен лентами,

³⁶ В 1844 году в с. Сыресево упоминается жена священника Александра Иванова Магницкая и незамужняя дочь умершего священника Анна Иванова 16 лет. (Прим. А. С. Устинова)

³⁷ Андрей Андреев Кантов – пономарь с. Кужендеево с 1843 года, окончил Арзамасское уездное училище. (Прим. А. С. Устинова)

яркими красными полотнищами кумача, а молодые свахи были одеты в яркие разноцветные одежды и плясали. Вдруг вся эта толпа пошла купать нарядного дружку, и вся масса народа – гостей и зрителей, – тоже побежала к маленькой речке, и я с другими девочками-подругами... Дружку купали во всем цветном наряде. Я и близко к речке не подошла, ибо с детства панически боюсь пьяных, и ничего не видела. Но когда я пришла домой, отец так был возмущен моим «безнравственным поступком», что на дворе жестоко высек меня прутьями. После этого я два дня лежала в сенях в темном чуланчике и не могла ничего есть, лишь воду пила, а бабушка со слезами на глазах мазала мне рубцы на спине маслом из лампадки. А в момент моего истязания бабушка и дедушка были в поле на работе и не могли меня защитить. Дедушка был ласковый, тихий, никогда нас, детей, не бил, а меня как старшую тем более, и вообще они с бабушкой всех детей любили и не наказывали, что было тогда редкое явление.

А моя добрейшая чудесная мамочка в это время была в избе, кормила грудью ребенка и, услышав мои раздражающие душу крики, так испугалась, что не могла двинуться с места и продолжала сидеть, а ребенок продолжал сосать грудь. Это был мальчик Ваня шести месяцев, с ним сделался родимчик³⁸, и он тут же умер. Я и это рассказала Алексею Максимовичу, и мы очень удивлялись, как много в нашей жизни общего, что мы пережили в детстве, и невольно наши души еще более роднились, и мы представить не могли, как мы будем жить каждый своей отдельной жизнью.

Горький очень энергично убеждал меня ехать учиться и развивать свои способности к сочинительству. А более всего он меня соблазнял тем, что я могу быть певицей – он это видит в моих глазах, которые «как звезды», и что я могу быть большой актрисой – это он видит по выражению моего лица, которое «часто озаряется улыбкой, как у Наташи Ростовской», и по интонации голоса. Алексей Максимович предлагал все это устроить и деньги взаймы предлагал, а долг я могла бы отдать после того, как начну зарабатывать.

Алексей Максимович долго и убедительно доказывал, что я делаю преступление, зарывая свой талант в землю, что запрещается даже в Евангелии. Убеждал меня: «Человек – это звучит гордо!». Алексей Максимович не то что отрицал, но нападал на альтруизм, который был, по его убеждениям, преступлением против собственной личности, ибо это есть моральное самоубийство. Тогда же Горький очень убедительно доказывал, что надо жить для себя: «Эгоизм есть не преступление, а самозащита человека от жизненных нападков, а человек прежде всего должен заботиться о себе, иначе его толпа и сама жизнь замнет и затрет в своем болоте».

Я задышалась от радостного волнения, что такой человек обо мне заботится и требует продолжить самообразование. И я очень хотела учиться по совету этого великого человека. Но дети? Как их оставить? Возможно, это была моя ошибка, врожденная привычка жертвовать собой для близких. Дети этой жертвы никогда не оценят! Да, мать более способна на жертвы, чем дети для матери, хотя случаются исключения.

Алексей Максимович убедительно доказывал мне: скоро вся эта обывательщина пройдет, умы просветлеют, и будет всем хорошо и радостно жить. Много говорил он мне о грядущей революции, которая принесет свет и рассеет тьму. Социальная революция быстро надвигается, но тормозят ее приход наша приверженность к вещам, обывательщина, мещанство, которые над нами господствуют. Чем он особенно горячо и страстно возмущался

³⁸ Родимчик (разг.) – болезненный припадок у маленьких детей, сопровождающийся судорогами и потерей сознания. (Прим. А. С. Устинова)

– господством вещей над людьми, с чем его разум и душа, добрейшая из добрых, не могли примириться, и непрерывно его ум работал над тем, как бы человечество вывести из этого тупика. Когда он вдохновенно говорил об этом, то весь загорался, как великий пророк, его лицо и фигура преображались, и от этого он делался красавцем.

Мы с Алексеем Максимовичем, когда были знакомы, работали совместно по оказанию помощи несчастным и обездоленным, исключенным и лишенным прав студентам. Много денег давал Алексей Максимович: в своей доброте он не имел конкурентов. Его чуткая душа, чистая, как кристалл, была отзывчива ко всем, кто находился в горе и нужде. Алексей Максимович передавал студентам через меня деньги и запрещенные, т. е. нелегальные книги, которые я носила и учительнице Татьяне Александровне Лавровой. Она была дочерью начальницы прогимназии Раисы Павловны Лавровой, которую все ученицы уважали, любили и почитали. Меня она выделяла как первую ученицу во всей прогимназии, к тому же очень бедную и много трудившуюся для своего содержания во время учения. Естественно, что ее дочь Татьяна Александровна меня тоже любила и жалела, что я одна вдовой осталась с детьми, но она ко всем была добра. Огромный ум, доброта и чуткость светились в ее добрых и прекрасных глазах, во всем ее существе. Она была очень больна (опухоль в животе), работать уже не могла, даже из комнаты не выходила, получала пенсию, но имела столько силы воли, что со всеми была добра и весела. А я ее ежедневно навещала как больную и незаметно передавала книги и деньги. Рано, совсем молодой, умерла эта чудная девушка. Случилось это уже после отъезда Горького.

Алексей Максимович учил меня, как вести политическую подпольную работу, и я была достойной ученицей своего учителя. Моя винная лавка, вернее, ее запасное помещение для посуды, многим политическим давали убежище. Одних ловила полиция, чтобы посадить в тюрьму за пропаганду, другие спасались во время погромов, которые были нередки в Арзамасе и обычно на Соборной площади, от которой моя лавка была в двух шагах, так что преследуемому быстро можно было укрыться. О погромах написал подробно в рассказе «Городок Окуров» Горький. Во время погромов я лавку обычно запирала, и мы с детьми, одни женщины, сидели в страхе, слушая шум и вой озверелой толпы и ждали, что разнесут по бревнышку нашу лавку. О себе не думалось, а за детей было страшно очень. Укрываемых от погромов я обычно помещала в запасное помещение, в пустые ящики, которые сверху закрывались пустой посудой, – получался ночлег, хотя не очень удобный, но безопасный. Утром укрываемые незаметно уходили из лавки вместе с публикой.

Чаще других у меня ночевала в запаснике Катя Кузмина, очень энергичная, смелая, умная девушка, подруга по гимназии моей старшей дочери Сони, немного ее старше годами. Она была талантливый и неустрашимый агитатор, и полиция ее очень усердно ловила. В одну из своих ночевок в запаснике, когда я уходила к сестре, Катя сумела сагитировать мою няню, помощницу в лавке, очень умную по природе, но устойчивую в своих старых убеждениях. Она прямо переродилась в один час, как мать Павла в повести Горького «Мать», и стала доброжелательно относиться к политическим.

Катя однажды чуть не погибла: в Арзамасе на улице как-то раз собралась толпа лавочников, дворников и кучеров богатых купцов, а смелая Катя хотела их в истинный разум привести. Один из них крикнул: «Бей ее!», – и все бросились ее бить, и лишь ловкость движений и быстрота ног спасли ее от лютой смерти. Эта очень красивая и милая девушка Катя, она же Екатерина Григорьевна Кузмина, в первые годы Советской власти была в Киеве наркомом здравоохранения.

Когда мы с Горьким не могли в Арзамасе найти работу и вообще пристроить политических ссыльных студентов, то переправляли их в Нижний Новгород, где было легче укрыться, а главное – найти работу. А там их встречала и помогала устроиться учительница Минодора Егоровна Якубовская³⁹, моя землячка, ровесница и подруга детства, дочь доктора города Ардатова. Она была большая умница, можно сказать, исключительного ума и добрейшей благородной души, очень образованная, а потому очень нам полезная. В ее квартире Владимир Ильич Ленин читал лекцию еще при царизме⁴⁰.

А еще многие исключенные студенты за политические убеждения получали так называемый «волчий билет», чем мы оба с Горьким были возмущены. Раз подходят к моему окну – квартира была в 1-м этаже, – два молодых человека, очень симпатичные, интеллигентные, бедно одетые, очень худые, очевидно, голодные. Просят меня найти им место хотя бы дворника и угол, говорят, что они исключенные студенты последнего курса Горного института. Такой же случай был со мной еще в Ардатове, когда я имела 22 года от роду. Здесь как будто лучшие условия для оказания помощи несчастным странникам, чем были у меня в Ардатове, но я как энергично ни бегала по городу в эти три дня к знакомым, к родным покойного мужа, почти ничего не смогла собрать. Конечно, Горький отдал все, что мог, и я то немного, что имела после смерти мужа – белье, платье, а в общем мало, ибо окуривцы не симпатизировали этим несчастным, и собирать надо было осторожно, а потому и мудрено – не скоро, ибо разные тетушки покойного мужа возмущались моим поступком, что я рискую своих детей уморить с голоду, потеряв свое место за помощь этим несчастным. Таковы были нравы окуривцев, и даже некоторые хотели на меня донести, и меня могли лишиться места в винной лавке, где я имела единственный кусок хлеба для своих четырех малолетних детей, ибо, как я уже говорила, ни я, ни мои девочки пенсии не получали.

Когда Алексей Максимович узнал из моих рассказов, что я близко знала Карамзиных, попросил меня о них рассказать. После моего рассказа о них во время кратких бесед с Алексеем Максимовичем он, всегда очень высоко ценивший этих людей, уже прямо говорил лишь одно: «Чудесно, чудесно! Чудесные старички!». Я сама удивляюсь, как любили меня старики Карамзины, и мне это так дорого, что слезы меня душат, как их вспоминаю. Расскажу один случай, когда Алексей Максимович очень расстроился, что как ссыльный не может мне помочь. Я шла обедать со службы и вела за руку свою младшую пятилетнюю дочь Надю. Наш путь лежал мимо детского приюта, который был на другой стороне улицы. Вдруг послышались свист, лязг розог и отчаянный душераздирающий крик ребенка. Я моментально перебежала улицу и подбежала к воротам, которые предусмотрительно были заперты, обоими кулаками стучала в ворота и кричала: «Палачи! Прекратите истязание ребенка!». Когда ворота мне отперли, я увидела девочку лет пяти, не более, худенькую, бледную, слабенькую, еле державшуюся на ногах от боли. Когда я дошла до своей квартиры, ко мне явился полицейский и потребовал, чтобы я немедленно шла к исправнику, который пригрозил мне ссылкой. Но помог умнейший и честнейший о. Федор Владимирский, который убедил исправника, что невыгодно сослать мать четырех дочерей, которых надо будет взять в приют. Так беда эта и прошла. Начальницей в приюте, где избивали девочку, была некая Витман, помещица села Лапшихи Арзамасского уезда, близкая знакомая исправника Сафонова, почему она и не боялась производить экзекуции чуть не на улице.

³⁹ Минодора Егоровна Якубовская преподавала в Нижегородском Мариинском институте благородных девиц. (Прим. Т. В. Кучеровой)

⁴⁰ Квартира Якубовской, в которой Ленин побывал в свой второй приезд в Н. Новгород, находилась по адресу: ул. Володарского, 13. (Прим. А. С. Устинова)

Повторяю, у нас с Алексеем Максимовичем было удивительно много общего в детстве и в жизни вообще, отчего невольно наши души сближались. Глаза наши без слов говорили, что мы любим друг друга и не можем жить один без другого! Но почему-то более всех мне было жаль маленькую Катеньку, любимую дочку Алексея Максимовича. Не могла я расстроить его семью, и по ночам я заснуть не могла.

**Т. А. Ситникова с младшей дочерью. 1900-е годы.
Фото из семейного архива предоставлено А. С. Устиновым**

Однажды утром я пришла на бульвар, где мы встречались, а Алексей Максимович был уже там – он пришел с поля, где гулял всю ночь, что часто делал. Взглянув на меня, все понял, а я еще имела силы сказать: «Очень мне жаль маленькую Катеньку». В его прекрасных глазах было страдание, но не осуждение, и мы молча простились и более никогда уже не встречались. Даже спустя почти 45 лет нельзя описать, как это я пережила. Так закончилась наша горячая платоническая любовь с Алексеем Максимовичем, и мы расстались, чтобы более не встретиться.

Я заперла свою любовь к Горькому, как тургеневская Лиза, в монастырь моральных обязанностей. Могла ли я обидеть эту двухлетнюю крошечку, которую я очень любила, и она меня также, хотя встречала ее только на улице, ибо в квартире Горького я не бывала. Может быть, многие женщины скажут, что любовь такую, т. е. не телесную, а платоническую, легче победить. На это я могу сказать: прочтите повесть Штрайха о жизни Николая Ивановича Пирогова, где описывается любовь между первой женой Пирогова Екатериной Дмитриевной и его ассистентом Николаем Егоровичем Андерсеном. Они встречались лишь в обществе и любили друг друга взглядами. Штрайх пишет, что эта любовь сильнее, чище, возвышеннее телесной, а потому человек весь отдается ей одной, перерождается и здоровеет, что и произошло с женой Пирогова. Она ожила, чему Пирогов обрадовался, но случайно перехватил их взгляды и отослал своего ассистента Н. Е. Андерсена в длительнуюграничную командировку. Андерсен через два дня в дороге умер, что не скрыли от жены Пирогова, и она умерла от разрыва сердца.

Говорить о том, как мы с Горьким пережили разлуку нелегко, но время все сглаживает и стирает своей могучей рукой. Друзья Горького хлопотали за него, и он в начале сентября 1902 года переехал в Нижний Новгород.

Через несколько лет Алексей Максимович разыскивал меня, но я была в Орловской губернии, на Брянском заводе, у дочерей Сони и Наташи, которые были там учительницами. Мне об этом сказал знакомый Горького Яков Григорьевич Безруков, который приходил ко мне не раз и все просил написать воспоминания об Алексее Максимовиче⁴¹. Это было уже после смерти Горького. Я отказывалась, ибо знакома была с ним короткое время. Но главное, я отказывалась писать, не имея на руках разрешения на это жены Горького, Екатерины

⁴¹ В последние годы своей жизни публицист Яков Безруков собирал и кропотливо записывал воспоминания нижегородцев о Максиме Горьком. Им собрано 39 таких воспоминаний. (Прим. А. С. Устинова)

Павловны Пешковой⁴². Хотя, когда я ей рассказала о своем кратковременном знакомстве с Алексеем Максимовичем, она не только разрешила, но непременно советовала писать, говоря: «Пишите, пишите!», – и приняла меня очень любезно. Я была у нее 20 июня 1945 года, специально за этим ездила в Москву, что представляло тогда большие трудности.

Яков Григорьевич Безруков мне сообщил, что у него есть письмо Горького ко мне, обещал его принести и назначил день встречи, но тяжело заболел, а вскоре и умер. Это было перед войной, а его жена Софья Павловна говорила мне, что все письма своего мужа после его смерти, в том числе от Горького, она передала в Ленинскую библиотеку.

В 1907 году я перешла служить в Нижний Новгород, чтобы сдать экзамены на фельдшерицу. В губернской земской больнице были такие заочные курсы, а моя няня, старше меня на четыре года, заменила меня в лавке. Она была с Катей Кузминой в большой дружбе, а та ко мне относилась, как к матери. Но когда я была переведена в Нижний Новгород, тоже в винную лавку, Катя попала в Арзамасе полиции и была в ссылке до прихода Советской власти, когда она получила большую ответственную работу.

В 1907–1908 годах я училась на медсестру-фельдшерицу, и мы обязаны были ходить в больницы для практики, в каждой работали по два месяца, а в гинекологической, где работал совсем еще молодой очень талантливый хирург Константин Федорович Богуш, – дольше. Мы, ученицы, присутствовали на операциях, но не смели спросить врачей о том, что нам непонятно, а к Константину Федоровичу мы смело подходили и спрашивали, и он нам очень толково объяснял, считая нас себе равными. К. Ф. Богуш много работал с Алексеем Максимовичем для изыскания средств для открытия школ. Вместе они организовали концерт Ф. И. Шаляпина, и на эти деньги выстроили прекрасную школу в Александровке в пяти верстах от Горького.

Горький первый во всей России устроил в 1901 году елку для детей подвала и вообще бедняков, а сколько он работал над тем, чтобы расширить сеть школ! А наш Народный дом, где сейчас опера, – это детище Алексея Максимовича, его инициатива и его исполнение. С ним много труда положил на это дело Константин Федорович Богуш, который теперь великий, уважаемый целым краем, знаменитый профессор-гинеколог, хирург и диагност, сделавший революцию в хирургии: до него делали операции чревосечения в 2 часа, а он, наш великий К. Ф., – в 17 минут – сколько этим жизнью спас!

Недавно с особым удовольствием прочла помещенную в «Коммуне», очень талантливо и красочно написанную А. Н. Свободовым статью о Горьком. И так радостно было читать чудесные слова о Горьком критика Стасова: «Что за чудная натура, что за чудная голова! Что за поэзия!! Что за простота и правдивость формы! Что за сила художника?!». Так все это верно и правдиво написано Стасовым! В заключение и мне, очень старой женщине, почитающей Горького, хочется еще сказать: какой это был ум, какая душа, какой дар творчества, несмотря на все ужасы, пережитые им в детстве и юности. А его герои? Только Горький с его орлиным взором художника мог находить таких людей! Во всем его творчестве красной нитью проходит борьба с жестокостью, косностью, мещанством.

Вчера я прочла в журнале «Огонек» письмо Алексея Максимовича к вдове Короленко, так ярко рисующее одиночество его души и вообще пессимистическое его настроение, когда

⁴² Супруги по взаимному согласию приняли решение расстаться без оформления развода, и в 1903 году Максим Горький переехал к своей гражданской жене Марии Андреевой, отношения с которой продолжались до 1919 года. В 1920–1933 годах Горького связывали отношения с Марией Будберг. (Прим. А. С. Устинова)

ему уже было 58 лет⁴³, и его талант как писателя был в полном расцвете. Вот отрывки из этих писем, помещенных в журнале «Огонек»: «И мне хотелось бы написать и Вам, Евдокия Семеновна, сказать какие-то очень сильные слова любви и уважения. Но я не умею сделать этого. Однако поверьте, я знаю, что значит быть женой русского писателя и верным другом на всем пути его. Я знаю это потому, что такие жены-друзья почти не наблюдались мною. Нигде и ни с кем! Простите, если это искреннее желание сердечно поклониться женщине покажется Вам грубым, излишним и бестактным». Читая такие строки, невольно чувствуешь одиночество души его, великой души такого человека, как наш любимый писатель Алексей Максимович Пешков.

Как-то ранним утром, сидя на бульваре, мы с Алексеем Максимовичем имели разговор о женском вопросе вообще и о женщинах в частности, причем Алексей Максимович сказал, что самые оригинальные женщины – это жены писателей, ибо они всегда греются у огня и остаются холодными, ну, большинство из них. Все, верно, читали повесть Горького о его первой любви (и вместе с тем о первой жене), как она, будучи очень образованной, доброй и очень чуткой, а главное – горячо любящей своего великого мужа, заснула крепким сном, когда он ей читал свое первое произведение. Все это подтвердило сказанное Горьким о женах писателей.

А сколько он сделал для женщин всего мира, заступившись за истязаемую женщину-ребенка? Алексей Максимович тут жизнью рисковал, ибо прямо шел на смерть, идя против грубой, дикой и пьяной толпы, именно пьяной, ибо этот обычай бывает на другой день свадьбы. А этот его подвиг сделал революцию во всем мире – ибо в простом народе, да и в среднем классе была поговорка: «Курица не птица, а женщина не человек». Алексей Максимович показал этим поступком всему миру, что женщина есть мать человечества! Случай спас его: ехал мимо шарманщик с человеческой мягкой душой, а не со звериной, косматой, как у толпы, его избивавшей, поднял его без признаков жизни и привез в больницу, где он очень долго не мог поправиться. Несмотря на могучий организм, он долго не мог даже в память прийти, а, может быть, и на всю его дальнейшую жизнь и преждевременную смерть это повлияло. Как знать?

Горький был человек необыкновенный, ибо даже недостатки его наружности придавали ему исключительную прелесть. Его сутуловатость придавала мягкость всей его фигуре и особую нежность всем его движениям, в которых сквозила его отзывчивая душа. А его волжский выговор на букву «о» придавал мягкость и красоту его речи. Все знают, как Горький красиво, выразительно читал, особенно свои произведения, – так, что все заслушивались!

Это был истинный сын русского народа: свободолюбивый, ярко талантливый, неукротимо требовательный энтузиаст и в то же время трогательно простой и нежный, внимательный к окружающим. Особенной любовью горело его чуткое сердце ко всему страждущему человечеству, которому он всегда готов был помочь, не щадя своих сил и здоровья, а средства – так отдавал, что мог. Из-под его пера выходили шедевры! А главное – самая живая жизнь!

Еще раз, прощаясь с рукописью, хочется мне сказать, что все, здесь написанное, – сушая правда, а об Алексее Максимовиче Пешкове-Горьком не могу найти достаточно слов, чтобы описать его яркий необыкновенный образ как умнейшего человека и как великого художника слова. Сколько людей, и очень больших людей, погибло на дне жизни, а Алексей

⁴³ В 1921 году, в год смерти В. Г. Короленко, Горькому исполнилось 53 года. (Прим. А. С. Устинова)

Максимович стал еще более отзывчив ко всему страждущему человечеству. А каков его творческий талант, он так велик и необыкновенен, что вы будете его читать и перечитывать и не сможете насытиться красотой и духовной мощью его великого творчества!

АРЗАМАССКИЙ ВОДОПРОВОД

Нельзя обойти молчанием, что о. Федор Владимирский дал чистую воду г. Арзамасу, чем спас тысячи жизней детей, которых буквально косили дифтерит, скарлатина и желудочные заболевания вроде дизентерии, ибо вода была из прудов, куда сваливали навоз и нечистоты. Но надо правду сказать, что он сделал это великое святое дело не один, а совместно со своим близким другом Иваном Ивановичем Потехиным, настолько близким, что нельзя сказать, кому первому из них пришла мысль о водопроводе. Потехин был купец, но очень умный, развитый, добрый и честный человек, сделавший много добра: щедро жертвовал на открытие школ и библиотек, большие средства дал на открытие женской прогимназии, и сейчас его портрет на стене в зале бывшей арзамасской прогимназии. А до этого не было в Арзамасе ни одного женского учебного заведения, лишь для мальчиков было городское трехклассное училище.

О. Федор очень часто посещал И. И. Потехина⁴⁴, и они затворялись в кабинете, где очень подолгу читали серьезные научные труды и философские книги и, выходя оттуда в столовую к чаю, говорили, что «это наш домашний университет». Часто продолжали научную беседу и в столовой, где я часто бывала и с наслаждением слушала их как близкий человек, т. к. жена И. И. Потехина Евдокия Михайловна была родная сестра моего мужа Н. М. Ситникова и моя близкая подруга по гимназии, на год меня старше.

Здесь, за чайным столом, и начались разговоры о необходимости искать воду для Арзамаса. Один греческий мудрец сказал, что все доброе происходит от женщины, а жена Потехина была добрейшая из добрых и очень переживала за бедноту, которая пила ужасную воду. Ее родной брат, мой первый муж, также имел чуткое доброе сердце: когда был студентом Горного института, жил бедно, давая уроки, и часто последние 5 рублей отдавал нуждающемуся студенту на обед, а сам голодал. И вот в один прекрасный летний день Потехин велел заложить лошадь в долгушу (особый род экипажа, где могут сесть до восьми человек), взял жену, двух детей и заехали за мной с о. Федором. Все вместе поехали в Мокрый овраг отыскивать хорошую воду. Мы, подышав влажным воздухом, вернулись, а Потехин и о. Федор вдвоем остались работать, отыскивая хорошую воду. Это заняло не один день. Конечно, и рабочих много нанимали, деньги вначале давал Потехин свои, а потом в банке взяли завещанный купцом Зайцевым капитал. Благодаря настойчивым убеждениям Потехина, который пользовался большим почетом, уважением и авторитетом в городской думе, основали кредитное товарищество на водопровод, на который отдали деньги пайщики. Вообще все купечество считало, что умнее Потехина никого нет. Но в 1893 году, проездом из Крыма, куда ездил лечиться от туберкулеза, И. И. Потехин скончался. Все дело окончил о. Федор, заслуги которого очень велики, прямо неоценимы.

Водопровод рыли много лет и большое число рабочих, ибо только дело подходило к концу, как наступало очень жаркое лето, и вода из участка Мокрого оврага исчезала, и приходилось снова в другой ложбине рыть.

⁴⁴ И. И. Потехин в 1891 году проживал на ул. Скоблинской (ныне Угодникова) в собственном доме. (Прим. А.С. Устинова)

После смерти И. И. Потехина о. Федору помог окончить постройку водопровода его зять, муж дочери Сони, очень талантливый инженер Леонид Николаевич Кащеев. Завершить строительство водопровода для Арзамаса стоило 40 тыс. рублей, но одно спасло положение – работали идейные люди, и работали бесплатно.

Я читала прекрасную книжку Плетнева о Горьком⁴⁵, о его ссылке в Арзамас и работе по водопроводу о. Федора. Очевидно, неверно информировали Плетнева, который написал, что о. Федор продал дом и платья дочерей, и все на водопровод. На самом деле о. Федор рано и неожиданно потерял любимую жену, умершую от разрыва сердца, и тяжело ему было жить в прежнем доме на Прогонной улице, за Макарьевской церковью⁴⁶. Дом он продал, а на вырученные деньги выстроил новый, на Стрелецкой улице, теперь забыла, как она называется⁴⁷, развел там сад, и сейчас в нем живет внучка о. Федора Владимирского, дочь его старшей дочери Марьи Федоровны. Она замужем за учителем К. И. Калиновским, и у них есть дочь-врач.

Еще сказано, что о. Федор продал платья дочерей, это тоже дали тов. Плетневу неверную информацию. Я близко была с ним знакома, и Соня, его дочь, ежедневно бывала у нас, и знаю, что нечего было продать из их платья – о. Федор был бесребреник, с бедных не брал за требы.

Род И. И. Потехина, к сожалению, прекращается: есть один еще сын, уже 61 года, доктор Дмитрий Иванович в г. Коростышеве, в 100 верстах от Киева, где он уже около 40 лет на одном месте, ибо пользуется огромными уважением и любовью. Он популярен, ибо это настоящий советский врач: в любую погоду, днем и ночью, он едет к ребенку, задыхающемуся от крупа, к умирающей от послеродового кровотечения женщине, к рабочему, получившему серьезное ранение на фабрике, а у себя в больнице делает серьезные операции. А сам слабый – у него грудная жаба и возраст солидный. Вот какие должны быть советские врачи!

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Я встретила Советскую власть с восторгом, как все обездоленные, нуждающиеся, а потому угнетенные при царизме, приниженные люди. Много дала нам Советская власть, но самое большое что мы, бедная интеллигенция, получили, – это уничтожение сословий. Я выросла в Ардатове, очень маленьком городке. Он разделялся на три сословия, члены которого, зная отлично друг друга, вели себя будто незнакомые: низшие даже не смели поклониться высшим. К последним принадлежали служащие, судьи, врачи, следователи, богатые купцы, помещики. Ко вторым – учителя, священники, маленькие чиновники. К третьему сословию принадлежали рабочие, мастеровые и мещане, из которых состояло почти все население Ардатова. Они имели лошадь и корову, пахали и сеяли хлеб. Рядом жил мастеровой, лудил самовары, но мой отец, сын сельского дьякона, нам, детям, не позволял играть с соседскими детьми – ну разве это не ужас!?

Иногда первое сословие давало танцевальные вечера по подписке, на которые тоже допускались лица только из первого сословия. Мой учитель французского языка и будущий муж на один из вечеров пригласил меня с собой, на что я очень легкомысленно согласилась:

⁴⁵ Плетнев П. П. М. Горький в Арзамасе. – Арзамас, 1933. (Прим. С. А. Устинова)

⁴⁶ Макарьевская (Крестовоздвиженская) церковь находилась рядом с сохранившейся в настоящее время Казанской церковью. (Прим. С. А. Устинова)

⁴⁷ В настоящее время ул. 1 Мая. (Прим. С. А. Устинова)

16 лет, хотелось потанцевать. И вдруг ко мне никто не подходит, и мое самолюбие так страдает, мне так стыдно, как если бы я голая сидела! Мой провожатый играл в карты, но увидав, с каким лицом я сижу, нашел мне кавалера для танцев, но я уже не могла – мою голову разрывало на части, меня посадили на извозчика и привезли домой с сильной мигренью. Всю ночь была рвота, пульс упал, так что пришлось звать знакомую фельдшерицу.

На том вечере была дочь смотрителя уездного училища, из первого сословия, она ходила ко мне, ибо я ей помогала писать сочинения и делать задачи, ибо я и по математике, и по всем предметам, имела «5». Но там, на вечере, она не подошла ко мне, и я сидела, как зачумленная. Из этого можно понять, как дорого обходилась самолюбивым людям сословность, почему я и встретила Советскую власть с исключительным восторгом, и работала с таким энтузиазмом.

В 1918 году меня выбрали председателем квартального комитета по борьбе с контрреволюцией и голодом. Район, где жил темный, неразвитый, бедный народ, – квартал ул. Белинской и Пушкинской⁴⁸. У меня была близкая знакомая Елизавета Ивановна Цветкова, с которой я ходила в Кремль на большие собрания и заседания, а труднее всего было мне как председателю проводить собрания в своем районе: тогда был голод, ибо Колчак со своим белым войском перерезал Волгу, питательную артерию для Средней России, и голод торжествовал, пожирая свои жертвы. Сыпняк косил людей, как деревья в лесу. Мы были окружены белыми со всех сторон, отчего и наступил голод, а темные люди на собраниях бунтовали, кричали, почему так. Обвиняли Советскую власть, и, выходя из собрания, я не всегда была уверена, останусь жива или нет.

Боролась и против топливного голода, для чего посылали комиссию на Ветлугу за дровами, которые пригонялись в Нижний по воде на плотках. А для борьбы с голодом я организовала первую в городе картофельную коммуну, которая нас тогда спасла от голода. Её собрать было очень трудно, ибо жители названного квартала были в большинстве люди темные, малокультурные, простые обыватели. Их слово «коммуна» отпугивало. Я как председатель обошла все дома и квартиры, всех убеждала, разъясняла, но многие все же отказывались. Тогда я им предлагала дать расписку в отказе. И очень хорошо сделала, ибо отказавшиеся после, когда наше поле покрылось зеленью, жалели об отказе и роптали на то, что не поняли. Хотя я как бывшая учительница все очень толково и понятно для всех объясняла.

Первая показательная коммуна была из трудовой интеллигенции, и я окунулась в эту работу, полюбила ее. Нас было в первой коммуне 20 семейств, и мы как первые в городе организаторы и новаторы были премированы: на каждую семью выдали по 50 метров мануфактуры, кто какой хотел, и совершенно даром, без денег. Учреждение, которое нас наградило в 1918 году, называлось Губпродком.

Наша первая коммуна была рядом с кварталом, где мы жили⁴⁹. Здесь ранее устраивались бега, назывался этот участок Ипподром, где молодые купчики объезжали своих рысаков и соревновались на пари. Потому и почва была очень жирная, унавоженная, но настолько убитая, что походила на асфальт, и по твердости такая же. Мы разбивали ее пешней – тяжелой толстой длинной железной палкой с заостренным концом. Наш участок

⁴⁸ Угол улиц Белинского и Пушкина в Нижнем Новгороде, куда Таисия Алипьевна переехала из Арзамаса в 1907 году. (Прим. Т. В. Кучеровой)

⁴⁹ Т. А. Немировская жила в доме винного завода, современный адрес: ул. Невзоровых, 61 Е. (Прим. А.С. Устинова).

был сильно унавожен от множества рысаков, и всходы картофеля были просто чудесные, как на показ. Видя, какие у нас прекрасные всходы картофеля (а уродилось на 1 меру посаженного картофеля 16 мер, значит, сам-16, в аршин высоты, с очень крепкой ботвой), в коммуны потянулись и обыватели. Благодаря этому в июне того же года некто Чинский, очень энергичный человек и общественник, сумел организовать очень большую коммуны за деревней Лапшихой.

А еще я работала по ликбезу, и на винном заводе по устройству рабочих жилищ. В 1918 году вышла замуж за Н. А. Немировского. Николай Алексеевич Немировский был сыном рабочего и убежденным большевиком. Его отец был маляром и погиб, упав с крыши. Муж много горя, голода, лишений и неправды видел и перенес в детстве и юности. Вырос он на юге, в г. Николаеве, где был очевидцем погромов и потому встретил Советскую власть с восторгом. Учился на свой заработок, стал очень образованным человеком, крупным инженером, знал три языка и говорил на них, как иностранец. До глубокой старости имел необыкновенную память и продолжал трудиться. Не работал лишь последние два месяца перед смертью, а скончался в 1937 году 79-ти лет от рака (последствие полученного на работе ушиба). Преданный Советской власти коммунист, честнейший партиец, он работал до старости по-стахановски, взяв три должности: главного инженера, зав. секцией винокурения, инженера по технике безопасности, а жалованье получал одно, и то маленькое – берег советскую копейку.

Немировский имел много революционных заслуг еще при царизме, за что я и получаю персональную пенсию. Он выстроил винные заводы в Нижнем Новгороде, Арзамасе и Княгинине, а в 1905 году спас бастующих рабочих винного завода от расстрела, который хотел учинить губернатор Фредерикс⁵⁰. А Немировский исполнил требования рабочих, на что не имел права, и те немедленно встали на работу, прекратив забастовку. Войска пришли на завод, а стрелять-то и не в кого! Но за это он поплатился во время реакции. Немировский был временно управляющим заводом (настоящий был в Петербурге), и его назначили к ссылке. Но нашлись умные головы и в центре, не желавшие терять такого ценного инженера с богатой эрудицией, честного и умеющего прочно и дешево строить, каковых мало тогда было при царизме.

Он имел счастье работать в 1918 и 1919 годах в Губсовнархозе под начальством Вячеслава Михайловича Молотова. В 1918 году против желания начальства и сослуживцев, говоривших, что он едет на верную смерть, ибо тиф свирепствовал, Немировский на одной голодной лошаденке (железная дорога стояла) поехал за 400 верст на юг губернии, где было пять винокуренных заводов, разрушенных крестьянской революцией. Он ехал на клячонке, и через каждые 30 верст ночевал в избах на полу возле тифозных, которых было не по одному в каждой семье, но тифом не заразился: в детстве уже переболел. С помощью одного лишь сторожа, которого отыскал в деревне (а более никого не было – все были на Гражданской войне), он отремонтировал все пять заводов. Мало того: нашел зарытый в земле картофель и открыл винокурение, разыскал транспорт – и спирт отправился на военный завод в Дзержинск, где делали снаряды для Северного фронта. Это было в то время, когда буржуазия всего мира шла на нас!

Когда Немировский с Вячеславом Михайловичем бывал в командировках на винокуренных заводах, то удивлял его своей памятью и знаниями. Раз, будучи в

⁵⁰ Барон Константин Платонович Фредерикс (1858–1910), в 1905–1906 годах Нижегородский губернатор. (Прим. Т. В. Кучеровой)

командировке на ломовском заводе⁵¹, куда приехал и Молотов, уже бывший тогда председателем крайисполкома⁵², Немировский весь день рассказывал Вячеславу Михайловичу о конструкции винокуренного завода, чем тот очень интересовался, зная, какое великое значение имеет спирт для военного дела. Вячеслав Михайлович недолго был у нас: переехал в Москву на должность наркома иностранных дел, где и до сих пор работает. Молотов приглашал мужа в Москву, но тот отказался из-за ее сильного движения, ибо с детства, насмотревшись погромов, боялся шума и езды и до старости был нервный.

Из этого видно, что Немировский способствовал победе Советской власти над буржуазией и как велика его заслуга: весь мир шел на нас, а без спирта нет и снарядов. И вторую войну здесь, в Горьком, завод работает как военный.

После смерти мужа, который скончался в 29 апреля 1937 года, я также работала на винзаводе, который теперь военный № 558⁵³. От комиссии райздрава была назначена в 1940 году ревизовать родильный дом и другие больницы и детские дома, поскольку окончила курсы фельдшерниц. В войну работала по устройству инвалидов и заместителем председателя Комитета помощи разоренной Смоленской области, откуда были изгнаны немцы, не оставившие там камня на камне. Председателем была очень опытная общественница, много работавшая вместе с В. И. Лениным, Мария Александровна Малых, собравшая много вещей и денег, и через комсомол все это отправили несчастным жителям Смоленской области, жившим в землянках.

Война застала меня в 1941 году на должности председателя Совета жен-общественниц. На первом после начала войны очень многолюдном заседании, где были председатели всех городских организаций, я была выбрана председателем и сказала речь на слова нашего друга, учителя товарища Сталина, что мы должны всем жертвовать, чтобы победить врага. В это время встает директор военного завода Смирнов и говорит, обращаясь ко мне: «Ловлю вас на слове – дом, где вы живете, необходим под цеха, а поскольку вас как персональную пенсионерку выселить нельзя, то вы должны пожертвовать вашу квартиру, а остальных выселить». Я готова была руку пожертвовать, чтобы скорее победить врага, и я согласилась немедленно выехать из дома, где прожила 23 года (19 лет с мужем и четыре года одна).

Выехать было очень тяжело и морально, и физически, ибо мне тогда было 75 лет. Что же оказалось? В этом доме никаких цехов не было и нет. Смирнов взял себе мою квартиру и никого не выселил, исключая тех, которые потеряли связь с учреждением. Я подала в суд, который присудил выселить Смирнова как взявшего квартиру обманным путем, но тот дал поручительство, что после войны он уйдет с квартиры. Мне дали комнату в доме рядом с хлебозаводом, от которого идет дым, угар, копоть. Только такой тупица, как Смирнов, мог построить дом на таком месте, а где были те, которые давали разрешение на такое строительство в таком вредном месте? Я имею права переехать обратно в ту квартиру, но сил нет.

От Немировского у меня детей не было, только четверо от первого брака с Ситниковым. Моя дочь Софья Николаевна Ситникова 61 года – учительница в Москве,

⁵¹ Возможно, имеется в виду Нижнеломовский винный завод в Пензенской губернии, построенный в 1898 году. (Прим. Т. В. Кучеровой)

⁵² С 1919 года В. М. Молотов работал уполномоченным ЦК РКП(б) и Совнаркома РСФСР в Поволжье и председателем Нижегородского губисполкома. (Прим. Т. В. Кучеровой)

⁵³ На базе ликеро-водочного завода Горьковского треста «Ликер-водка» в 1941–1942 годах был создан завод № 558 (п/я № 41) Наркомата боеприпасов СССР (Прим. Т. В. Кучеровой)

сейчас читает лекции будущим певицам в музыкальном техникуме имени Гнесиных, и ее все ученицы так любят ее за ее доброту и отзывчивость на всякую нужду и горе, и нуждающейся своей ученице она готова последнее отдать. Она замужем не была. Она меня и уговорила написать эти воспоминания.

Второй моей дочери Наталье Николаевне 57 лет, она тоже учительница, преподает 30 лет в военной школе, имеет награды, замужем. Была красавица, умница и также добрая, чуткая, а сейчас очень больная: печень и желудок. Имеет сына 24 лет, студента строительного института, недавно вернувшегося с фронта, и дочь 20 лет, она учится в Московском университете на III курсе. Ее сын, а мой единственный внук, окончил школу имени Радищева и за все 10 лет учебы в школе не получил ни одной отметки менее «5», за что его в 1940 году, когда он окончил школу, показывали во всех кинотеатрах г. Москвы, так что он по своей скромности не мог ходить в кино. Его зовут Николай Иванович Архипов...»

На этом воспоминания Таисии Алиповны обрываются. Она ушла из жизни 13 декабря 1950 года в возрасте 84 лет.